

ПОДАРОК | СУДЬБЫ

ЛИЗЗИ ДЕНТ

Летняя
РАБОТА

18+

Лиззи Дент
Летняя работа
Серия «Подарок судьбы (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69326113
Летняя работа: [роман] / Лиззи Дент; – [перевод с английского
Елизаветы Шагиной]: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-148573-3

Аннотация

Что если на время пожить жизнью другого человека – более успешного и востребованного?

И Берди сделала это! Она представилась именем своей лучшей подруги Хизер и теперь выполняет ее обязанности, только – упс! – Хизер-то не в курсе об этом. Однако летняя подработка в высокогорном шотландском отеле в качестве сомелье мирового уровня оказалась куда сложнее, чем Берди рассчитывала. Сможет ли она пережить лето, притворяясь своей лучшей подругой? И сможет ли Берди удержаться от того, чтобы не влюбиться в мужчину, которому она очень понравилась и который думает, что она Хизер? А что же будет, когда лучшая подруга обо всем узнает?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	33
Глава 4	45
Глава 5	55
Глава 6	76
Глава 7	89
Глава 8	104
Глава 9	118
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Лиззи Дент

Летняя работа

Серия «Подарок судьбы»

Lizzy Dent

THE SUMMER JOB

Copyright © Rebecca Denton 2021

First published as THE SUMMER JOB in 2021 by Viking, an imprint of Penguin General. Penguin General is part of the Penguin Random House group of companies.

Перевод с английского *Елизаветы Шагиной*

© Rebecca Denton 2021

© Шагина Е., перевод 2022

Глава 1

Май

– Вы приехали на свадьбу? – спрашивает водитель, причем его жизнерадостный взгляд сосредоточен на мне, а не на узенькой трассе, по которой мы мчимся.

– Нет, нет, – отвечаю я. Мои пальцы начинают ныть от того, что постоянно сжимают сиденье. Он едет не меньше 70 миль в час¹.

– Да, вы одеты не для свадьбы, – соглашается он.

Я опускаю взгляд на свою рубашку и так тушуюсь, что даже ненадолго перестаю бояться. Я купила в ТК Махх белую шелковую рубашку с 60-процентной скидкой, но через несколько часов после начала поездки вспомнила, что белые шелковые рубашки предназначены только для богатых людей или тех, кто любит стирку и глажку. При покупке одежды для меня главным фактором является то, что она после стирки будет выглядеть так, словно ее погладили.

Машина делает резкий поворот, и однополосная дорога сужается до ленточки, а затем лес полностью исчезает, и мы проезжаем через простые железные ворота, закрепленные на двух старых каменных столбах. Обширные лужайки медленно поднимаются вверх, а вдоль подъездной дорожки ря-

¹ Около 110 км/ч – здесь и далее прим. пер.

ды высоченных деревьев протягивают ветви навстречу друг другу, создавая туннель из листьев. В тумане все выглядит словно старая фотография.

Впереди виднеется дом, хотя на самом деле он больше похож на маленький замок. Серый космический корабль из песчаника с остrokонечными башенками по бокам и огромной лестницей, ведущей от кругового проезда ко входу. Он грандиознее, чем я себе представляла, но какой-то мрачный. Я сразу же пишу Тиму: «Я в гребаном готическом романе».

Я довольна своим тоном. Он веселый, непочтительный, загадочный. Я думаю позвонить ему, чтобы рассказать поподробнее, но не уверена, что он поймет юмор. Тим не очень начитан.

Шины автомобиля пробуксовывают, возвращая меня в реальность. Мы на мгновение застреваем, пока шины безнадежно прокручиваются по грязи, а водитель увеличивает обороты двигателя. Он переключает передачу, и мы мчимся вперед.

– Сзади есть короткая дорога к конюшням и коттеджам. А потом небольшая парковка, – говорю я, вновь проверяя инструкции на своем телефоне.

– Вы имеете в виду вход для персонала? – спрашивает он, приподняв одну бровь.

– Да, – киваю я и мечтательно смотрю в окно.

Задняя часть дома такая же величественная, но, возможно, более красивая, чем передняя. От вымощенного галькой

двора и розария склон уходит вниз, к реке, которую слышно, но не видно. Конюшни расположены метрах в ста от дома, и машина останавливается между ними и тройкой небольших каменных коттеджей. Я оглядываюсь на главный дом, который едва виден сквозь небольшую дубовую рощу.

В самом большом из трех коттеджей из приземистой трубы симпатичными витками поднимается древесный дым, а на деревянной двери висит маленькая табличка с серебристыми буквами, которую я едва могу разобрать: «Только для персонала».

– Это здесь, – говорю я, выходя из машины и протягиваю водителю 200 шотландских фунтов, стараясь не поморщиться из-за того, что прощаюсь с последними деньгами в кошельке. – Спасибо за поездку. Кто бы мог подумать, что из Инвернесса можно добраться до западного побережья менее чем за полтора часа? Это, наверное, мировой рекорд.

Он выглядит необычайно гордым.

На парковке около дюжины машин, белый фургон, несколько больших черных дорогих внедорожников и пара гольф-каров – но людей все еще нет. Вдалеке слышится лай собаки, и этот звук зловещим эхом разносится по всему поместью.

Я чувствую, как мое беспокойство перерастает в настоящую тревогу. Вот оно. Я нахожусь буквально в конце пути и, возможно, совершаю свой самый безумный поступок с тех пор, как ушла с той дурацкой пьесы в Вест-Энде. Прямо пе-

ред своей первой репликой.

– Надеюсь, тебе понравится в Шотландии, девочка, – говорит водитель и с визгом шин по гравию уезжает.

Я несколько раз стучу в деревянную дверь. Для поздней весны здесь гораздо холоднее, чем я предполагала, а мой тонкий плащ оказался неподходящей одеждой для такой погоды.

Мой телефон пикает, это Тим:

«Что ты имеешь в виду?»

Я усмехаюсь. Он так предсказуем.

По-прежнему никого не видно. Скрестив руки на груди, чтобы защититься от ледяного ветра, я оглядываю двор в поисках признаков жизни. Я слышу, как лошади шаркают по покрытому сеном каменному полу в сарае, и чувствую запах земли. Наклоняюсь вперед, чтобы заглянуть в маленькое окно крайнего коттеджа, и тут срабатывает датчик движения и загорается маленький светильник, ослепляя меня.

– Хизер?

Я подпрыгиваю от звука голоса позади меня: глубокого, с сильным, но приятным шотландским акцентом. Я прикрываю глаза ладонью и пытаюсь разглядеть фигуру, выходящую из-за белого фургона. Он высокий, одет в белую поварскую форму под темным пальто, которое распахнуто и развевается на ветру, с темной шерстяной шапочкой, надвинутой на лоб. *Высокий, загадочный и умеет готовить яйца-пашот*. Я сразу же заинтригована.

– Здравствуйте! Да, это я. Честь имею! – говорю я, отдавая ему честь, как генералу. Веду себя как придурок в комедии. Все из-за нервов.

– Нам нужно, чтобы вы начали прямо сейчас, – нервно говорит он, поднимая воротник пальто.

– Прямо сейчас? – отвечаю я, отчаянно желая выпить чашку горячего чая и принять душ.

– Наш парень на замену упал в реку Эйр, пока пisał, – произносит кто-то с акцентом английского мажора, и тут появляется мужчина намного старше, ниже ростом, в темном костюме и с торчащим животом, таща за собой одну из этих модных тележек для багажа. Свет падает на его красноватое лицо, покрытое морщинами, но веселое. – Его госпитализировали с переохлаждением.

– Переохладил самое ценное, – отвечаю я, хихикая – не могу удержаться, и он одаривает меня озорной ухмылкой.

– Я Уильям. Но все зовут меня Билл. А это Джеймс, он пришел поприветствовать вас от имени кухни, – продолжает мужчина, бросая взгляд на мою сумку. – Ну, тележка мне не понадобится. Вы путешествуете налегке. Боже милостивый! Видели бы вы, кто приехал вчера поздно вечером. Бедному ночному портье пришлось десять раз подниматься и спускаться по лестнице. А у него больная нога.

– Я не люблю возить с собой больше, чем могу унести на себе, – говорю ему с улыбкой.

– Надеюсь, вы привезли резиновые сапоги, – произносит

он, глядя на мои туфли.

– Нет. Придется купить. И пальто. Разве никто не предупредил Шотландию, что сейчас май, ради всего святого? – говорю я, обнимая себя руками.

– Это все северный ветер. Он пронизывает даже летом, – говорит Билл, вставляя ключ в замочную скважину коттеджа, и с тяжелым стуком поворачивает старый замок. Он толкает дверь, но вместо того, чтобы проводить меня внутрь, засовывает туда мой чемодан и захлопывает дверь. – Виноград на таком ветру не вырастить, верно?

Я торможу, а затем силюсь быстро ответить:

– Да. Конечно, ему нужно больше тепла. За исключением случаев, когда наступают заморозки. Мороз иногда нужен. – Он смотрит на меня, поэтому я, естественно, продолжаю словесный бред. – Для винограда, чтобы сделать вино... эээ... лучше.

– Нам необходимо, чтобы вы приступили к выполнению своих обязанностей сегодня вечером, – перебивает Джеймс, прорываясь сквозь нашу болтовню. Его плечи напряжены, он смотрит назад в сторону главного дома, как будто оставил там сковороду горячего жира на большом огне.

Я начинаю чувствовать легкую панику.

– Я не одета, – все, что я могу сказать. – Я думала, что сначала будет какое-то вводное обучение, нет? Просмотр фильма «Добро пожаловать в компанию». Несколько часов за настройкой электронной почты. Встреча с боссом. При-

ветственный коктейль.

– А девчонка – молодец, – снова хихикнул Билл.

– Мы подобрали вам униформу. – Джеймс нахмурил свои густые брови, а затем резко отвернулся и погрузился в раздумья.

Билл поворачивается ко мне с извиняющейся улыбкой:

– Простите, что все так неожиданно. Но я уверен, что вы прекрасно справитесь с вашим-то невероятным опытом. О, не делайте такой смущенный вид, это ведь я вас нанял, помните? Я видел ваше резюме.

– Точно. Конечно. Хорошо, пойдемте, – говорю я как можно увереннее. Нет необходимости обсуждать мое резюме в присутствии Джеймса. Или в присутствии кого бы то ни было.

Билл запрыгивает в ближайший гольф-кар и включает зажигание. Джеймс нетерпеливо улыбается и кивает в сторону пассажирского сиденья.

– Здорово, – говорю я, пока он становится на маленькую платформу позади и цепляется за нее.

– Если Джеймс нервничает, то это потому, что ему нужно обсудить с тобой меню *прямо сейчас*, – шепчет Билл.

Мне придется быть осторожной со всем, что я говорю. Играть в новенькую. При том числе работ, которое у меня было, это я делать умею.

Мы подъезжаем ко входу на кухню, и когда тяжелая современная дверь открывается, свет и шум выплескиваются

во двор, и все мои чувства внезапно оживают.

Кухня гудит. Три повара в белой униформе готовятся к вечернему обслуживанию гостей. Кто-то моет груды мелкого молодого картофеля, у одного повара в руках большой лоток микрозелени, которую он перебирает чем-то, напоминающим пинцет, словно в криминалистической лаборатории. Раздается своеобразный ритмичный хор: ножи бьют по дереву, сковородки шлепают по граниту, а мои каблукы цокают по каменному полу.

– Привет, шеф, – говорит самый молодой из них. Он весь в брызгах крови и держит в руках до комичного большой разделочный нож. Джеймс одобрительно кивает молодому парню, который краснеет и застенчиво улыбается ему в ответ. Это милый диалог, и я немного проникаюсь к Джеймсу.

Запахи лимонной цедры и насыщенного темного шоколада наполняют мне нос, когда мы проходим мимо кондитерского прилавка. Затем глаза жжет лук, когда мы ныряем через низкий дверной проем в зону приготовления. Здесь два ряда варочных поверхностей из нержавеющей стали и больших печей, и еще одна молодая повар с серьезным видом, с темными волосами, убранными под сетку, стоит над огромной кастрюлей, осторожно накладывая туда огромным половником крошечных омаров.

– Боже мой, крошечные омары, – ошеломленно шепчу я, но тут Билл внезапно исчезает через распашную дверь в ресторан. Я вижу темную, освещенную свечами комнату с ак-

центами бордового цвета и в шотландскую клетку.

– Лангустины, на три минуты пятнадцать секунд в крутой кипяток, – говорит себе шеф-повар, запуская маленький таймер. *Это лангустины. Я краснею от собственной глупости и делаю глубокий вдох. Я не продержусь и пяти минут, если не буду держать язык за зубами.*

– Хизер? – Джеймс зовет меня из служебной зоны, где он разбирает исписанные листы бумаги.

– Ага. Тебя можно звать Джейми, верно?

– Вообще-то я Джеймс, – отрывисто говорит он и смотрит в пол. – Ты готова?

– Конечно, – отвечаю я, изображая на лице уверенность.

Он протягивает мне лист бумаги:

– У нас есть вино для лангустинов и лосося горячего копчения, но нет для свеклы с маринованной капустой. И еще нам нужно что-то к стейку из лопатки. Я бы выбрал Каберне, но нужно учесть, что в блюде есть весенняя зелень и мусс из репы. Что скажешь?

Джеймс откладывает лист бумаги и смотрит на меня. Я впервые вижу все его лицо при свете. Он определенно привлекателен, если вам нравятся красавцы с полными губами, нахмуренными бровями и неделю не брившиеся; мне, безусловно, нравятся. Темные волосы, карие глаза и щеки, покрасневшие от кухонного жара. Да еще и этот накрахмаленный поварский костюм. Я изо всех сил стараюсь не пялиться.

Так. Я определенно пялюсь.

Все еще пялюсь.

– Хизер?

Я выхожу из оцепенения и возвращаюсь к работе.

– Есть идеи, с чем можно подать стейк?

– А с чем вы его обычно подаете? – спрашиваю я, надеясь найти простое решение.

– Меню постоянно меняется в зависимости от сезона, так что, боюсь, это новое блюдо. Каждый день приходится подбирать новые напитки. Как я уже сказал, мы часто сочетаем стейк из лопатки с Каберне, но я думаю, что репа...

– *Меню постоянно меняется?* – сглатываю я.

Джеймс вздыхает:

– Извини. Я знаю, что информации много. Перед каждым приемом пищи мы садимся и обсуждаем с сомелье напитки для дегустационного меню. А затем я обсуждаю все с шеф-поваром.

– С шеф-поваром? Я думала, ты и есть шеф-повар.

– Нет, – отвечает он с застенчивой улыбкой. – Рассел Брукс – наш новый шеф-повар – проверит все сегодня вечером. Все должно быть идеально с первого раза, – говорит он извиняющимся тоном.

– Рассел Брукс, – улыбаюсь я. – Звучит как фирма электроприборов.

Шутка на мгновение повисает в воздухе, затем увядает и умирает.

– У него две звезды Мишлен, – говорит Джеймс с расширившимися от ужаса глазами.

– О да, – быстро отвечаю я.

Две звезды Мишлен? Ерунда какая-то. Я думала, это местечко застряло в Средневековье. Тут я оглядываю кухню и понимаю, что все это действительно выглядит как-то чересчур грандиозно.

– Конечно, я знаю, кто он такой. Все знают Рассела Брука.

– Брукса, – поправляет он.

– Да, – быстро киваю я. – Две звезды Мишлен.

– Тебе нужно немного времени на ознакомление? Я могу дать полчаса, а потом мы должны подготовить проект для шеф-повара. – Он протягивает мне меню.

Я некоторое время изучаю лицо Джеймса. Я не могу понять, отчаянно ли он умоляет меня о помощи или злится, что я до сих пор не помогла. Одно можно сказать наверняка: он ждет, что я возьму все в свои руки, а я до сих пор пытаюсь оттянуть неизбежное. Пришло время браться за дело.

– Где вы храните винную карту? А само вино? Мне нужно будет спуститься в погреб и, возможно, кое-что попробовать, – говорю я, забирая меню у него из рук. Господи, как все сложно! Это место чертовски выпендренное. Что, черт возьми, такое «копченый морской бекон»? – Для чего там мне нужно выбрать вино?

– Для цесарки, краба, свеклы с ферментированным ячменем и стейка из лопатки, – отвечает Джеймс, и вздущаяся

жилка на его шее немного опадает. – Новая карта вин здесь, – говорит он, пихая мне в руки большую черную кожаную папку, – а погреб находится на заднем дворе, с той стороны, с которой ты приехала. Там нужно спуститься по каменной лестнице возле отделения глубокой заморозки. Показать?

– Не нужно. Я буду через полчаса, – говорю я и киваю, решив, что тишина винного погреба будет самым безопасным местом для паники. *Новая карта вин?*

– Секунду. Анис? – обращается он к девушке, которая варила мини-лобстеров, и она хмурится, потому что он ее отвлек. Она осторожно наливает в блендер темно-зеленое масло со всей серьезностью хирурга, делающего операцию на открытом сердце. – Как только закончишь укропный соус, сделай дегустационную тарелку для Хизер, – приказывает Джеймс.

– Да, шеф. – Она бросает на нас мрачный взгляд и направляется к холодильнику.

Джеймс кивает и почти улыбается, после чего возвращается на кухню. Я на мгновение выдыхаю, прежде чем вспомнить, что время идет, а у меня в запасе его очень мало.

Я быстро прохожу обратно через зону приготовления и спускаюсь по дивно романтической каменной лестнице в подвал. Пытаюсь нащупать выключатель, как раз когда загорается еще одна чертова сенсорная лампочка, но на этот раз она светится теплым, тусклым желтым светом. Мои глаза адаптируются, и на мгновение я изумляюсь пространству

передо мной.

Погреб простирается в темноту, но здесь хранится не только вино. На современных стальных стеллажах сложены большие круги сыра, а с крюков из нержавеющей стали под потолком свисают огромные окорока и куски ветчины. А дальше – еще больше сыра. Боже, как я люблю сыр.

Но времени на раздумья нет. Я достаю телефон и раскладываю на полке перед собой огромную карту вин и меню. Черт! Это точно не та винная карта, которую я распечатала с сайта. В той, которую я засунула в сумку еще дома, было около дюжины красных и белых вин разной степени дешевизны.

План – если это можно было назвать планом – состоял в том, чтобы пройти быстрый курс под руководством абсолютно нового экземпляра книги «Вино для новичков» и сэра Гугла попозже вечером. Поверхностные знания. Достаточно для блефа. Достаточно, чтобы проторчать лето в дрянной гостинице в глуши. Только вот захудалая, ветхая, дрянная шотландская гостиница осталась в моих фантазиях, а вместо нее я оказалась в изысканном, роскошном бутик-отеле. Этому месту нужен сомелье мирового класса, чтобы расшифровать совершенно новую двадцатистраничную карту вин. А я определенно не из таких.

Пришло время позвать на помощь.

Пришло время позвонить *настоящей* Хизер.

Глава 2

За две недели до этого

– Уже собралась? – спросила я, качая головой и оглядывая ее спальню в поисках вещей, которые я могла бы «одолжить», пока ее не будет. Я уже заметила ее туфли на перепонке, торчащие из-под стула, и щипцы для выпрямления волос. Затем увидела бикини, разложенные на кровати. Насколько шикарен этот шотландский отель?

Хизер была моей лучшей подругой с начальной школы, когда она приехала с отцом в наш родной город Плимут вскоре после смерти матери. Я сразу заметила, как она боится: крутит свои кудри, не отрывая глаз от пола. Информация про ее маму распространилась по детской площадке как молния. Я сразу поняла: я нужна этой девочке.

Я подошла к ней:

– Не бойся. Я тебе все покажу. Я Элизабет Финч, и мне уже шесть лет.

– Финч? Как птица²? – прошептала она в ответ. – У меня есть карандаш с маленькими птичками. Хочешь?

– Конечно. – Я восхитилась яркими маленькими картинками и ластиком в форме клюва. У меня никогда не было такого особенного карандаша.

² finch – вьюрок, прим пер.

– Теперь он твой. Будем дружить?

– Конечно, но тебе понадобится гораздо больше карандашей, – ответила я с широкой улыбкой. Хотя, конечно, дело было вовсе не в карандаше.

С того дня мы стали неразлучны. Я была ее яростным защитником, а Хизер – самым добрым, позитивным человеком в моей жизни.

Сегодня мало что изменилось. Двадцать пять лет спустя у нее есть квартира в Лондоне, одежда, косметика и стабильный доход, благодаря которому у нее всегда будет молоко к чаю. Пойдя по стопам отца, она стала одним из самых ярких молодых экспертов по вину в стране. Хизер нашла свой путь в жизни. А я до сих пор чувствовала себя ребенком без собственных модных карандашей.

Она присела на край кровати, сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, и нервно посмотрела на меня:

– Птичка, случилось кое-что серьезное. Но я в порядке. Все хорошо. На самом деле, все отлично.

– О-о-о, звучит восхитительно, – ответила я, чувствуя легкое покалывание в предвкушении драмы. Я оперлась о край ее туалетного столика и приготовилась. – К счастью для тебя, я снова официально безработная, и теперь у меня есть время на все драмы в мире. Так что продолжай, я готова.

– Это не драма, – сказала она, и ее большие глаза прищурились от обиды.

– Черт! Извини, я не хотела показаться легкомысленной.

Пожалуйста, говори. Что случилось?

– Мне кажется, я влюбилась в Кристиана, – сказала она, и ее рот искривился в нервной улыбке.

– О, – ответила я, пытаясь казаться бодрой, хотя сердце у меня ушло в пятки.

– Знаю, знаю. – Она покраснела и радостно улыбнулась, а мне захотелось сломать что-нибудь пополам. *Только не в него. Не в Кристиана, он же наркоман.*

– Правда? – сказала я, собравшись с силами. – В сапожника?

– Он дизайнер обуви, – произнесла она, вздохнув. – В общем, я еду с ним в Рим на лето, чтобы посмотреть, получится ли из этого что-нибудь.

Это объясняет бикини.

– Он собирается расстаться со своей девушкой, – быстро добавила она. Чтобы успокоить меня, я полагаю. А потом она глубоко вздохнула. – Птичка, я думаю, что, может быть... Я имею в виду, что, возможно, у нас любовь. Думаю, я нашла своего мужчину.

– Хорошо, – кивнула я, отвернувшись и разглядывая бамбуково-керамическую щетку, чтобы не смотреть на нее. Я провела пальцем по щетине и мысленно отметила, что нужно чаще укладывать феном свою выющиеся волосы. – А что насчет работы? Ты же не собираешься бросить ее ради Кристиана?

Ответ на этот вопрос я уже знала. Это была ее ахиллесова

пята. Хизер хотела Любви с большой буквы. Она бросала все при одном ее упоминании. Только за последние два года мы пережили Мерзкого Кайла; сорокавосемилетнего ветеринара, который называл ее «котеночек»; Калиля-пекаря, у которого в постели тесто не поднималось, и он говорил Хизер, что это ее вина; Просветленного Уоррена, самого сексистского феминиста в мире; и вот теперь Кристиана.

У Кристиана есть девушка, с которой он, очевидно, собирается расстаться, и глубокие и прочные отношения с тяжелыми наркотиками. Я не психолог, но для девушки, которая очень рано потеряла маму, а через несколько лет и отца, должна быть какая-то связь между этими фактами и отчаянной потребностью быть любимой.

Это было невероятно обидно, потому что если кто и заслуживал встретить чертовски хорошего спутника жизни, то это быть Хизер. Она сама была чертовски хорошим человеком.

– Ну, это не работа моей мечты.

– В смысле? Ты говорила, что хочешь туда поехать. В это самое место. Ты целую вечность ждала, когда там появится вакансия. Зачем просто все бросать?

– Это всего лишь летняя стажировка, – огрызнулась она.

Поддерживай ее, Элизабет Финч.

– А, ну ладно, – ответила я, кивая.

– Я и согласилась-то только потому, что думала, что должна увидеть Шотландию в какой-то момент своей жизни, по-

тому что, ну, я наполовину шотландка. Это старое обветшалое место в глуши. Но оно рядом со Скаем, а я хотела увидеть Скай. Ты же знаешь, как я всегда хотела побывать в Скае. Моя мама там родилась.

– Я знаю, знаю, – быстро проговорила я.

– В любом случае, у этого места ужасные отзывы на TripAdvisor. Честно говоря, им нужен не чертов сомелье, а полный ремонт. Но, Птичка, я должна выяснить, есть ли будущее у этой истории с Кристианом. Ты бы упустила шанс на настоящую, истинную любовь? – спросила она, глядя на меня большими округлившимися глазами.

Не поймите меня неправильно, я люблю счастливые концовки, но Кристиан не про это. Фу. Я не могла смириться с мыслью, что еще один недостойный засранец займет место в ее добром сердце. И все же я не могла сказать ей об этом. На горьком опыте я поняла, что нотации и вмешательство не работают с Хизер, когда дело касается любви.

Моя задача как лучшей подруги Хизер заключалась в том, чтобы поддерживать ее, несмотря на все мои сомнения.

– Если это то, чего ты хочешь, тогда иди к своему сапожнику. Люби его! – Я вздохнула.

– Отвали. Ты издеваешься.

– Да нет, извини. Просто это немного неожиданно, – сказала я. *Поддерживай ее, Элизабет Финч.* Я посмотрела ей прямо в глаза. – Если это то, чего ты хочешь, то я счастлива.

– Ты счастлива за меня?

– Тебе нужно, чтобы я была счастлива?

– Нет. Но так было бы лучше.

– Ну, я действительно немного волнуюсь, что нормально, учитывая обстоятельства. Но я рада за тебя, если это действительно сделает тебя счастливой, – сообщила я, причем мое колено начало подрагивать. Мне это не нравилось, ни капельки, и больше всего меня расстраивало, что я не могу высказать ей это.

– Я просто чувствую, что мне нужно попробовать отношения с Кристианом. Я знаю, ты думаешь, что он любит оторваться или что-то в этом роде, но на самом деле он очень чувствительный. Секс с ним волшебный. У нас такая прочная связь, и я по-настоящему готова экспериментировать в постели. Когда мы занимаемся любовью...

– Фу, не говори «занимаемся любовью», у меня аллергия на это выражение.

– Чего не говорить? Занимаемся любо-о-овую? – произнесла она сексуальным голосом.

– Да. Да, да, да, – перебила я. – Ладно, Италия. Кофе и углеводы. Могу я хотя бы приехать в гости?

– Конечно! Но когда я со всем разберусь, – сказала она смущенно. Спасибо, Птичка, поделиться с тобой – большое облегчение.

– Ты им рассказала? В отеле? – Я вздохнула, смирившись с тем, что придется ждать примерно три-четыре месяца, прежде чем все это загорится и сожжет всех дотла, вклю-

чая бедную девушку Кристиана. Я, конечно, буду рядом с Хизер, чтобы ей помочь. Я всегда рядом.

– Нет. И не собираюсь. Не могу набраться смелости.

Она попыталась отмахнуться от разговора, и я на мгновение умолкла. Это было не похоже на Хизер. Обычно она настоящий профессионал. Если раньше я слышала тревожные звончки, то сейчас это были сирены воздушной тревоги.

– Хизер, не говори глупостей. Ты должна им позвонить. – Я не верила своим ушам. – Придумай отговорку.

– Я не могу придумывать вранье. У меня полно других дел. – Ее голос звучат натужно и высоко, и я почувствовала, как у меня распрямляются плечи, пока я готовлюсь к тому, чтобы попытаться ее образумить.

– Просто скажи им, что ты попала в автокатастрофу. Или у тебя Эбола. Или тебя пырнули ножом по ошибке. В наше время людей постоянно пыряют ножом.

– Это не смешно, – резко оборвала она.

– Можно сказать, что тебя пырнули в ребро возле интернет-кафе в Бенидорме, – предложила я, распаяясь.

– Что?

– Никто не посмеет решить, что ты это выдумала. Это отличный вариант, поверь мне. Тебя ударили ножом в Бенидорме.

– А почему? Выглядит так, как будто связано с наркотиками.

– Случайно.

– А почему я была в Бенидорме?

– Училась.

– И что я изучала?

– Испанское вино, естественно.

– Испанское вино. Хм. Вряд ли. Но, может, херес. Разве это не попало бы в газеты?

– Нет. Вокруг постоянно какая-то поножовщина.

– Тебе нужно перестать читать эти ужасные таблоиды.

– Это напоминает мне о моем дрянном детстве, – произнесла я. И прежде чем она успела запротестовать и сказать, что оно не было дрянным, я пошутила: – В любом случае, поверь мне: никто не будет просматривать испанские новости, чтобы узнать, не пырнули ножом ли какую-нибудь богатенькую английскую девушку.

– Они поймали того, кто это сделал?

– Нет.

– То есть ему ничего не будет?

– Ну, естественно, полиция все еще его ищет.

– Это радует.

Наступило короткое молчание, а затем мы обе разразились смехом.

– Ты должна предупредить их, Хизер, – сказала я, когда смех утих.

– Да ничего страшного. Это всего лишь летняя стажировка, и они сразу же найдут замену. Париж осенью – вот следующий важный шаг для меня. А это просто пустяк. Ну, прак-

тически пустяк. Мне наверняка больше никогда не придется видаться или говорить с ними...

Я не могла позволить ей так поступить:

– Может, я позвоню им вместо тебя? Я не буду притворяться, что тебя зарезали. Я скажу что-нибудь подходящее, хорошо?

– Правда? – обрадовалась она, широко раскрыв глаза от чистого, неподдельного облегчения.

– Мне несложно. – Это был не первый раз, когда я вмешивалась, чтобы сделать для Хизер что-то, что она сама делать боялась.

– Хорошо, – сказала она, заметно расслабившись. Это было что-то, что я легко могла сделать для нее, в отличие от оплаты своей доли аренды. – Полагаю, мне не стоит пятнать свой послужной список.

Я съезжилась от стыда, вспомнив о собственной карьере. Эта «карьера» была, по сути, серией абсолютно бесперспективных работ, лучшей из которых оказалась последняя – что-то с «цифровыми СМИ» в названии. На нее, если честно, я попала благодаря обману и своим бессмысленным знаниям об инфлюэнсерах из соцсетей. Когда они это поняли, меня уволили. До этого была пара попыток играть на сцене, но я не могла выносить других актеров; работа в книжном магазине, которая мне вполне нравилась, но меня сократили; бухгалтерская фирма, ужасная; несколько периодов безработицы; два лета работы в баре на Тенерифе, которые организовала

Хизер. «Просто чтобы продержаться, пока не поймешь, что делать дальше, и не найдешь свое призвание», – говорила она.

Но мне уже тридцать один, и я не приблизилась к этому мифическому призванию.

– Я придумаю для тебя хорошее оправдание, чтобы ты могла сохранить репутацию, хорошо? Но тебе придется затаиться. Ты не можешь бросить работу и потом рассказывать всему интернету, как ты загораешь на Ривьере.

– Кристиан вообще-то тоже хочет, чтобы я затаилась, так что никаких проблем.

«*Понятное дело, хочет*», – подумала я, и моя ненависть к нему удвоилась.

– Поручи это мне, – попросила я.

– Спасибо, Птичка. Она глубоко вздохнула, и наступило короткое молчание. – Мне бы очень хотелось позволить тебе остаться здесь, но ты же знаешь, что мне придется сдать квартиру в аренду. Ты ведь уже где-то устроилась? Тебе нет необходимости ехать к родителям?

– Не волнуйся, я попробую связаться с двоюродным братом в Тутинге, – солгала я. Мне не хотелось говорить ей, что он уже отказался.

– Который мясник?

– Да.

– Но он же тебя терпеть не может.

– Это я его терпеть не могу. Все будет хорошо. Я что-ни-

будь придумаю. Ты же знаешь меня. Не парься, – отмахнулась я.

Она нахмурилась.

– Хизер, расслабься. Как только ты уедешь, я подам заявления на кучу вакансий и найду что-нибудь другое, не за компьютером. Что-то более практичное. Работу, которую можно делать руками, – продолжала врать я, добавляя в голос как можно больше позитива. – Хотела бы я, чтобы у меня была такая же страсть, как у тебя.

– Ты кого-нибудь встретишь, Птичка.

– Я не имею в виду страсть к парню – я имею в виду карьеру. Виноделие, как у тебя. В общем, если ты забыла, я вроде как снова встречаюсь с Тимом.

– Птичка, – она нахмурилась, – ты не можешь серьезно относиться к тому, с кем познакомилась в ночном автобусе.

Я немного напряглась. Я знала, что за человек Тим, и все равно решила с ним общаться. А Хизер не видела Кристиана таким, какой он есть, вот в чем разница.

– Если я с Тимом, то с широко открытыми глазами, – резко сказала я. Ну, на самом деле, это не совсем так. Если бы я правда была с открытыми глазами, я бы не смогла думать о Джейсоне Момоа.

– Я просто хочу, чтобы ты была счастлива. Он даже не позволил тебе пожить с ним, пока ты не найдешь новое жилье. И он страховой агент, ради всего святого!

– Страховой следователь, – поправила я. – Не всем нуж-

на большая итальянская история любви, Хизер. Ты забываешь, что однажды мне отказал парень, который работал Санта-Клаусом в торговом центре. У меня не так много вариантов, – пошутила я, желая побыстрее перевести разговор на нее и уйти от перечисления собственных проблем.

– Любовь... – начала она, и я поняла, что сейчас будет лекция о том, какая я замечательная, если бы только смогла это понять. Но потом она вздохнула, и мне стало еще хуже.

Я положила расческу рядом с собой, внезапно перехотев растягивать прощание:

– Слушай, Хизер, тебе пора.

– О, ты права. Ну, давай прощаться, – сказала она, вставая и обнимая меня, – но, Птичка, я не смогу радоваться, если буду знать, что ты несчастна.

– Я счастлива. Правда, я наконец смогу сесть и написать книгу «Как избежать ответственности почти за все», о которой я все время твержу.

– Только у тебя получилось бы написать книгу по самопомощи, лишенную всякого действия, – с гордостью сказала она. Я постарался проигнорировать приступ угрызений совести.

– А то.

Когда наши улыбки сменились грустными по случаю прощания выражениями лица, Хизер крепко обняла меня.

– Ты дашь мне знать, когда позвонишь им? Можешь сделать это сегодня?

– Конечно.

– Спасибо. И дай мне знать, где ты в итоге остановишься. Я не усну, если узнаю, что тебе придется вернуться в этот чертов дом. Я серьезно, Птичка, твои родители...

– Да-да, обязательно, – быстро перебила я. Я не хотела вступать в разговор о своих родителях. Мы обсуждали эту тему миллион раз, и разговоры о них не меняли того факта, что они есть, были и всегда будут полным дерьмом.

– Отлично, – заключила она, падая обратно на кровать и с облегчением выдыхая. Я снова почувствовала укол совести. Я знала, что какая-то часть меня не хочет, чтобы у нее что-то получилось с любым мужчиной, если это будет означать, что я ее потеряю, хотя бы и не до конца. Может быть, мы с Хизер и были семьей друг для друга, но с каждым годом я чувствовала, как она начинает строить новую жизнь, свою собственную, а я продолжаю метаться, надеясь, что ответ на вопрос, как жить и любить, каким-то образом упадет на меня сам.

Я изо всех сил сдержала слезы.

И тут она резко села на кровати.

– Забыла тебе сказать. Сегодня вечером я должна была пойти на вечер в «Ритц». Мое имя в списке. Просто сделай, как обычно, и скажи, что ты – это я. Никто не будет задавать вопросов. Там бесплатное вино. И много красивых парней из гостиничного бизнеса.

– А что за мероприятие?

– Британская винная премия. Все, что тебе нужно сделать, это зайти внутрь. Нет никакого официального ужина или чего-то еще. Иди! Я оставлю тебе платье-трапецию и туфли на перепонках, хорошо? Не думай, что я не заметила, как ты на них глазела!

Я ухмыляюсь:

– Конечно, почему бы и нет? Можно прийти вдвоем с кем-то?

– Да, но только не с Тимом.

Глава 3

Май

Вот оно. Я готова.

Я сижу у края барной стойки, ожидая Джеймса и знаменитого Рассела с моими наспех нацарапанными заметками, сделанными во время экстренного звонка Хизер. Она была в восторге, когда я сказала ей, что живу у двоюродного брата, и еще больше обрадовалась, когда я сказала, что мне нужна помощь в выборе вина для званого ужина, который он устраивает.

– Наконец-то! – завопила она. – О боже, с чего начать?

Это было ошибкой, подумала я, поклявшись больше не звонить ей, ну, или, по крайней мере, не говорить о том, что я якобы буду делать в Лондоне, пока ее нет. Сложно жонглировать сразу несколькими выдумками. И я определенно не хочу лгать Хизер больше, чем того требуют обстоятельства.

Она протрещала кучу предложений, которые я быстро сверила с винной картой, а затем мягко сказала ей, что мне пора идти, потому что винный магазин скоро закроется.

Я думала, что звонок несколько успокоил меня, но когда из-за барной стойки, словно черт из табакерки, появился Билл, я подпрыгнула. В одной руке у него бутылка красного, в другой – какой-то крепкий спиртной напиток, а щеки стали еще краснее, чем были на улице. Интересно, не пробовал

ли он предлагаемые напитки? И если так, как бы и мне поучаствовать в этой афере?

– Ты закончила? – спрашивает он.

– По большей части. Я пошла на кухню, чтобы обсудить результаты с Джеймсом, но Анис сказала, чтобы я дожидалась шеф-повара здесь, – говорю я, с тоской глядя на бутылку виски в руках у Билла и размышляя о том, напивается ли здесь персонал после работы. Вся эта выпивка, все эти молодые официанты на сезонной подработке. Должно быть, в «Лох-Дорне» много секса.

– Ты восхищаешься этим, верно? – говорит Билл, и я решительно киваю и только потом осознаю, что он имеет в виду не виски у себя в правой руке, а вино в левой. – Это очень, очень старое Шатонёф-дю-Пап.

– О-о-о-о, – отвечаю я. – Можно взглянуть?

– Конечно, – говорит он, осторожно протягивая мне бутылку этикеткой вверх.

– Черт возьми, да оно старше меня, – говорю я, неосторожно вступая на дилетантскую территорию. – То есть, я хотела сказать, это был такой хороший год... – Я медленно умолкаю.

– И оно даже не самое старое в нашей коллекции, – гордо отвечает он, поворачиваясь, чтобы поставить спиртные напитки у зеркальной стены в задней части бара. – Между прочим, ты вполне можешь устроить дегустацию. Просто поговори с Расселом, когда он придет. Ты же сомелье. Он не бу-

дет возражать.

– Джеймс что-то говорил про униформу? – переключаюсь я на другую тему, ловя свое отражение в зеркале, когда Билл отодвигает бутылку джина. Мой новый шикарный лохматый боб в стиле Хизер выглядит так, словно я только что встала с постели, и я чувствую, что от меня начинает пахнуть. – Одежда на мне не очень-то свежая.

– О, как грубо с моей стороны. – Билл разворачивается, сбивая при этом бутылку бренди с полированной столешницы. Я отшатываюсь, ожидая звука удара, но не слышу ничего, кроме тишины. Он тянется вниз и поднимает бутылку с пола за барной стойкой. – Резиновые коврики, – ухмыляется он. – После того, как Рассел с тобой закончит, я отведу тебя на задний двор, и ты сможешь освежиться в туалете для персонала.

Я делаю глубокий вдох. Я со всем справлюсь.

– А какая будет музыка? – спрашиваю я его.

– Традиционная. Лирь, арфы и тому подобное.

– Слава богу, без волынок.

– Ты не фанат?

– А можно ли быть фанатом волынки? В Гластонбери³ она точно не бывала хедлайнером, если ты понимаешь, о чем я.

Он смеется, с тревогой поглядывая на дверь. Мы оба ждем знаменитого Рассела. Биллу, я полагаю, не терпится представить своего нового сотрудника, и я распрямляюсь на стуле,

³ Фестиваль современной музыки в Гластонбери – прим. пер.

чувствуя, что хочу, чтобы он и мной мог гордиться.

– Ты не такая, какой я тебя представлял, – тихо говорит он. – И совсем не такая, как на твоей аватарке в соцсетях. – У меня замирает сердце. Я сделала соответствующую стрижку, но это не особо сократило пропасть между красивой, элегантной Хизер и мной.

– Я очень фотогенична. Поэтому мне трудно знакомиться в интернете, – отвечаю я Биллу, стараясь не обижаться. – Мужчины всегда разочаровываются, когда видят меня в реальной жизни – такие шикарные у меня фотографии.

– О, я не это имел в виду, – говорит он, улыбаясь. – У тебя на аватарке кошка.

На мгновение я теряюсь, а потом вспоминаю свой совет Хизер:

– *Смени аватар на что-нибудь непримечательное.*

– Ах, да, – говорю я, быстро соображая. – Я действительно люблю кошек.

Не заходи в социальные сети. Сделай все настройки приватными. Большую часть лета тебе нужно быть в офлайне. Фотография кошки подойдет. Я смогу изобразить любовь к кошкам на три месяца.

Я кручусь на барном стуле с кожаной обшивкой и осматриваю столовую. Тугая белая ткань покрывает большие квадратные столы и стулья, на спинках завязаны банты. Выглядит немного слащаво, но очень мило.

На каждом столе стоит маленькая свеча в коротком сереб-

ряном подсвечнике с лентой в шотландскую клетку у основания. Огромные шторы подхвачены лентами, тоже в клетку. Стены насыщенного бордового цвета, а сверху кое-где видна оригинальная каменная кладка. Здесь висят позолоченные картины с изображением мужчин в килтах, со спаниелями и оружием. В комнате витает слабый запах сигарного дыма, и я не могу представить себе здесь никого, кроме тучных мужчин лет семидесяти, пьющих бренди и рассматривающих старые карты.

– Это единственная комната, которую еще не отремонтировали, – произносит Билл.

– Отремонтировали? – говорю я, сбитая с толку.

– Ах да, конечно, ты же не видела остальной части дома! Мы привели в порядок все, кроме этой столовой. Строители приступают к работе на следующей неделе, так что у нас будет пара спокойных недель, пока они укладывают новый ковер и заново все красят. Обслуживание будет только в баре, и ожидается скромное меню. А затем, в первую неделю июня, начнется все самое главное. Лето, новый отель, новый ресторан. Поехали!

– Ах, – говорю я. – *Новый шеф-повар, новая карта вин, да еще и ремонт?*

– Видите вон того старика? – говорит Билл, указывая на позолоченную картину на стене. – Это прадед нынешнего владельца поместья Майкла Макдональда.

– Да ладно, – улыбаюсь я Биллу, который сейчас занят по-

лировкой винного бокала.

– Так и есть. И его верная гончая Дюк. Интересно, как бы он отнесся ко всем здешним переменам?

Кухня открытая и занимает половину дальней стены, при-
мыкая к бару. Теперь, когда у меня есть время подумать об
этом, я понимаю, как странно, что в таком старомодном ме-
сте установлена современная техника. Практически из лю-
бой точки обеденного зала видна зона сервировки с тепло-
выми лампами из нержавеющей стали и массивным дубовым
каркасом. Там Джеймс, теперь уже в черной бандане, пробу-
ет что-то из маленького серебряного кувшина. Дегустация в
его исполнении превращается в очень серьезное занятие.

Он улыбается, когда дверь кухни распахивается, и в нее
сваливается огромный мужик – настоящий образчик показ-
ной маскулинности. Он одет в пыльный синий твидовый ко-
стюм с жилетом, в верхнем кармане которого виднеется яр-
ко-желтый носовой платок. На голове у него грива из тем-
ных кудрей, а глаза одновременно темные и яркие. Он вы-
глядит как супермодель сорока с небольшим лет из тех, ко-
торых можно увидеть в рекламе роскошных часов в GQ, ко-
гда он поднимается из отделанной дубом каюты старинного
парусника, небрежно распахнув рубашку, и тянется к безли-
кой женщине в золотом бикини.

– Привет, Хизер. Добро пожаловать, – мурлычет он с ак-
центом непонятно какой части Британии, при этом его го-
лос похож на жженую карамель поверх ванильного джелатто.

Он бросает экземпляр газеты «Шотландец» на барную стойку рядом со мной.

– Это я, – говорю я.

– Джеймс! – кричит он, глядя мне прямо в лицо и слегка поджав губы. Как бы он ни был красив, я должна сказать, что его мужественность меня совершенно не привлекает: бедная женщина, которой предстоит выйти за него замуж, обречена на пожизненную эпиляцию зоны бикини, тренировки, а в худшем случае и вагинопластику. Не прошло и доли секунды, как двери снова распахнулись, и появился Джеймс. Он шел, опустив голову и изучая свои записи. Вот он гораздо больше в моем вкусе. Если в Расселе все жесткое и отполированное, то в Джеймсе все мягкое и простое. Например, его волосы выглядят так, будто пахнут шампунем, а не дорогим гелем для волос. Симпатичный, но не настолько, что это пугает, да и яйца вряд ли бреет.

– Добро пожаловать в наш маленький ресторанчик, – продолжает Рассел, отодвигая рукав, чтобы посмотреть на свои огромные серебряные часы. – Осталось всего сорок пять минут до ужина, и я вижу, что вам нужно освежиться после поездки, верно?

– Да, это было бы неплохо... – отвечаю я, засовывая руки под мышки – мне кажется, что так я меньше пахну потом.

– Хорошо, тогда давайте быстро пройдемся по списку, – говорит он.

Я тоже киваю, бросая быстрый взгляд на Джеймса, ко-

торый грызет ноготь большого пальца. Я беззвучно шепчу: «Все в порядке», но он не понимает, о чем я, и я делаю мысленную пометку больше так не поступать.

Я поддвигаю табурет к Расселу и достаю свои записи. Глубокий вдох, а затем техника драмкружка в девятом классе: говорю очень громко и четко, немного кося под Клэр Фой из «Короны»⁴ для авторитетности.

– Практически невозможно подобрать идеальное вино к блюду без тщательной дегустации погребца, – начинаю я.

– Конечно, – бурчит Рассел, кивая в знак согласия.

– И, очевидно, я не пробовала сами блюда, так что это все лишь предположения.

– Тебе не нужно объяснять, Хизер, – прерывает Рассел, касаясь моей руки. – Я просто рад, что ты здесь, с нами, и что не Билл выбирает вино.

Билл закатывает глаза и ставит эспрессо перед Расселом, который резко прижимает чашку к губам, выпивает одним махом и с одобрительным кивком отодвигает ее обратно к Биллу.

– К цесарке, как видите, я выбрала не обычное Пино Гриджио. Я предположила, – тут я сделала паузу, оглянувшись через плечо на Джеймса, – что сельдерей не обжарен...

– Да, я отметил это в окончательном варианте меню, – тихо отвечает Джеймс, в то время как Рассел поджимает губы.

– Отлично! Что ж, я определенно рекомендую немецкий

⁴ Исполнительница роли Елизаветы II.

рислинг. Сухой. А для стейка из лопатки я предлагаю не Каберне – оно слишком тяжелое для всех этих муссов. Думаю, аргентинское Пино хорошо дополнит блюдо и, – я опустила взгляд в свои записи, – смягчит пикантность блюда легким малиновым привкусом.

– Хорошо, хорошо, – кивает головой Рассел, вскидывая брови, и улыбка озаряет его гладкое лицо. – А что к крабу? *Черт, про краба я и забыла.*

– Ну, тут без вариантов, верно? – Я импровизирую. – Мерло?

Лоб Рассела морщится, и он смотрит на Джеймса, чей рот слегка приоткрыт. В воздухе повисает тишина, которую нарушает удар кастрюли об пол на кухне.

Позади меня Билл начинает хихикать, а мгновение спустя Рассел тоже фыркает от смеха, и я присоединяюсь к нему, не спуская глаз с остальных, чтобы найти подходящий момент, когда перестать смеяться.

– Шучу, – говорю я, похлопывая Рассела по руке. Я даю себе зарок больше не угадывать.

– Она имеет в виду Шардоне, – уверенно произносит Билл, грозя мне пальцем, и его щеки снова краснеют. – Вот это смешно. Мерло. Боже правый, а я повелся.

– Извините, – говорю я, – просто держу вас в тонусе.

– Отличная работа, Хизер, – говорит Рассел, завершая разговор.

– О, это было не так уж сложно, – отвечаю я, краснея, –

мы же все здесь импровизируем?

– Ерунда, – возражает он, снова касаясь моей руки, но на этот раз слегка сжимая ее. – Вы принадлежите к числу самых молодых и ярких сомелье в стране.

Я продолжаю:

– Это мне повезло. Быть под началом шеф-повара с такой невероятной репутацией – это просто сбывшаяся мечта.

Я вижу, что Рассел хочет мне понравиться. Хочет, чтобы я его уважала. Чтобы я запала на него. А что самое лучшее в глубоко неуверенном и самовлюбленном мужчине? Заставь его думать, что у него получилось, и тебе сойдет с рук почти все.

– Вообще-то у меня есть одна мысль насчет сегодняшнего вечера, – говорю я с некоторым трепетом. – Мне бы хотелось сыграть роль наблюдателя, чтобы узнать, как у вас тут все устроено.

Рассел смотрит на меня, качает головой и поглаживает подбородок большим и указательным пальцами, а затем поправляет свой платок в кармане.

– Полагаю, в этом есть смысл. Конечно, вам нужно будет вмешаться, если кто-то попросит что-то не из меню. Но да, идея хорошая.

– Думаю, так будет лучше, – просто говорю я, улыбаясь Расселу, и испытываю облегчение. Я начинаю слегка поглаживать воротник своей рубашки. Это такой шаблонный прием, и я ненавижу себя за свое поведение, но я в режиме вы-

живания, поэтому не останавливаюсь.

– Возможно, Билл, мы могли бы показать Хизер, где она может проинструктировать персонал по поводу вин, пока мы с Джеймсом занимаемся новыми блюдами, а потом дадим ей освежиться? – говорит он.

– Конечно, – отвечает Билл, вытирая руки о свой черный фартук и кивая в сторону двери в конце стойки бара. – Пойдем со мной, Хизер?

– Спасибо, Рассел, – бормочу я, протискиваясь мимо него, пока мощный аромат сандала и перца щекочет мне нос. Одеколونا так много, что меня едва не тошнит, хотя едва ли я имею право жаловаться на неприятные запахи.

Я одариваю Билла робкой улыбкой, и мы направляемся вниз через бар.

– Расскажи про презентацию этого проклятого десерта, а потом поговорим про гребаное блюдо из палтуса, – говорит Рассел Джеймсу гораздо менее приветливым тоном, чем тот, который он использовал в разговоре со мной.

– Боже, какой он претенциозный. Держу пари, у него есть и летнее, и зимнее одеяло, – шепчу я Биллу, оглядываясь назад, где вижу Джеймса, оживленно объясняющего, зачем для шоколадного ганаша нужны воздушные шары. Джеймс бесцеремонно ломает глазурь чайной ложкой, а Рассел хмурится. Затем появляется Анис с дегустационной тарелкой, которую я должна была получить сорок пять минут назад.

Я оборачиваюсь к Биллу, пока он открывает дверь в ком-

нату для персонала.

– А где Ирен?

– Наверное, завтра ее увидишь. Кстати, она сказала, что ты всех поразила на винной премии. Какое совпадение, что вы там встретились! – добавил он.

– Да. Потрясающее совпадение, – отвечаю я. А затем, понимая, что мне, вероятно, следует выглядеть более ошеломленной всем происходящим, добавляю: – Быть здесь – это сбывшаяся мечта для меня.

Глава 4

За две недели до этого

– Хизер Джонс, – уверенно сообщила я, когда мы с Тимом прибыли на прием в «Ритц». – Мы пришли на церемонию вручения Британской винной премии.

Швейцар провел пальцем по списку гостей, и я посмотрела, как он зачеркивает имя Хизер.

На мне было черное трапециевидное платье Хизер, которое мне подошло, но только потому, что это одно из тех платьев, под которыми можно пронести ящик пива. Хизер обычно завязывала его посередине розовым поясом, что я и попыталась сделать, но из-за этого я стала похожа на два мусорных мешка из шелковой органзы вместо одного. На Тиме были черные джинсы и бархатный пиджак, который он позаимствовал у своего любимого собутыльника Деймона – или «Деймо», как его называли. Выглядел он весьма эффектно.

– Добро пожаловать, мисс Джонс. Могу я узнать ваше имя, сэр? Извините, у нас тут только «плюс один» записано. – Он бросил короткий взгляд в мою сторону, осуждая Хизер за то, что она не зарегистрировалась должным образом.

– Меня зовут Тим, – произнес Тим со сверхмажорным акцентом, вздернув подбородок и слегка поджав губы.

Мужчина кивнул, записывая имя на чем-то, чего я не мог-

ла разглядеть:

– А фамилия?

Тим посмотрел на меня, и я предупредительно приподняла бровь:

– МакТимоти.

– Тим Мактимоти, – осторожно ответил швейцар, сохраняя невозмутимый вид и безупречные манеры. – Очень хорошо.

Мы вошли, повесив на шею бейджики, и направились к бесплатному бару и веганским мини-канапе.

Бальный зал отеля «Ритц» оказался более скучным, чем я представляла в своих мечтах: большой, но довольно пустой, с умеренно вычурным гипсовым потолком. Гости были не из тех, кого я обычно встречаю на рабочих мероприятиях Хизер, таких как открытие шикарного бара на крыше или модного подпольного ресторана. Эти были душными и старомодными.

Идеально! Мы с Тимом обожали заливать незнакомцам; а если нам удавалось выдать себя за других людей, вообще отлично. Самый шик, если у меня получалось притвориться кем-то модным, знаменитым или просто более успешным, чем реальная я. В последний раз мы ходили на мероприятие Британской киноиндустрии, где Тим сидел в углу в темных очках, а я весь вечер показывала на него молодым актерам, чтобы посмотреть, не клюнет ли кто-нибудь из них: «О боже, это же Джим Ривз. Режиссер. Вы его не знаете? Очень

плодовитый. И такой талантливый. Нет, вы не найдете его в интернете, он очень скрытный. Не могу поверить, что он здесь».

– Так, я готов тусить. – Тим подмигнул мне, и я улыбнулась. – Идем вместе? Или поодиночке, а потом обсудим?

– Поодиночке и обсудим.

Меньше чем через час мы оба наладились и хихикали в углу над теми, с кем познакомились.

– Я разговаривала о Land Rover, взбивании вина в блендере, длине волокон мериносковой шерсти и гребаных пробежках. И даже пыталась поддержать разговор о крикете. – Я сделала драматическое ударение на этом слове, поскольку Тим все время говорит о футболе, – а некто по имени Берт извинился и ушел, так как хотел успеть послушать завтрашний прогноз для судоходства. Как будто я умерла и попала в какой-то Бакингерширский ад⁵.

– Я только что разговаривал о деревьях, – отозвался Тим. А потом рыгнул.

– Пойдем посмотрим, какие вина выиграли конкурс. Мы ведь здесь для этого.

В центре бального зала стоял огромный круглый стол, на котором было выставлено около пятидесяти вин с различными золотыми, серебряными и бронзовыми наградами, а в центре воздымалось шестиметровое антикварное украше-

⁵ Бакингершир – графство в центральной Англии с самым высоким уровнем жизни по стране.

ние из стекла и латуни в форме винных бокалов, увитых плющом. Выглядело потрясающе.

– Кто бы мог подумать, что англичане делают вино... Это все равно, что встретить утонченного австралийца, – сказал Тим, наливая себе полный бокал, поставленный для дегустации, всего на миллиметр ниже края.

– Эй, полегче, дружище, – возмутилась я.

– От халявы не отказываюсь, – ответил он, одним махом отпив половину.

– Совиньон-Блан, – произнесла я, взяв в руки бутылку с очень современной черной этикеткой с очертаниями графства Кент. Я не против Совиньон-Блан, а у этого еще и награда. Смотри-ка. Серебро!

Я налила себе бокал поскромнее, но горлышко бутылки все труднее было направлять в нужную сторону.

– У него в аромате ноты кошачьей мочи, которая, как известно, должна всем нравиться, но у меня дома четыре кота, и я не могу это переварить, – раздался женский голос рядом со мной. Его обладательница была одета в расклешенный бирюзовый брючный костюм, который красиво смотрелся бы только на ком-то вроде Алексы Чанг⁶.

– Кошачьей мочи? – переспросила я.

– Конечно, – ответила женщина. – Это такая дегустационная нота.

– Ах, да, да! Кошачья моча. Изысканная вещь, – ответила

⁶ Британская знаменитость.

я, стараясь не захихикать в свой бокал, который вдруг действительно стал пахнуть кошачьей мочой. Тим разразился громогласным хохотом, а женщина нахмурилась и отошла от нас на несколько шагов. Как Хизер вращается в этих кругах, я никогда не смогу понять.

– Ладно, не знаю, сколько еще я смогу это выносить, – заговорила я, глядя на Тима одним глазом, чтобы он не двоялся. – Я пьяна, Тим. И я хочу большую пиццу с двойным сыром и салями. И чили. И пива.

– Выпьем за это, – сказал он, – но сначала скажи, где здесь тубзик?

– Ты можешь хотя бы говорить «туалет»? Мы в «Ритце», черт побери, – крикнула я, когда он пошел не в том направлении.

– Хизер Джонс? – произнес голос позади меня. – Ну, разве это не замечательный сюрприз? Я не знала, что вы придете, но, конечно же, это должно было случиться. А потом я увидела ваше имя в списке.

Я моргнула и перевел взгляд с ее теплой улыбки на ее горчичную блузку, а затем на бейджик.

– Я Ирен Рид, дорогая. Билл наверняка упоминал меня на собеседовании, – заговорила она, сияя, ее пышные белые волосы струились по плечам, а руки были распростерты, как у скульптуры Девы Марии. – Я так рада видеть вас у себя в команде.

– Ах, Ирен, – ответила я, кивая головой и улыбаясь. *Это*

еще кто?

– Да-да, – обрадовалась она, – о, это просто замечательно. Кстати, Рассел тоже где-то здесь. По крайней мере, он сказал, что придет, но я его пока не вижу.

Билл, Рассел, Ирен. Кто, черт возьми, эта дама, и как быстро я смогу сбежать? И тут, когда мои уши уловили ее едва заметный шотландский акцент, я ахнула:

– Ирен!

– Да, это я, дорогая, – сказала она, смеясь.

Вот черт!

Я так и не позвонила. Это был очень важный звонок в шотландский отель о том, что Хизер не приедет туда на работу. Я должна была позвонить в тот же день. И вот, прямо тут, заключив меня в объятия, стояла будущая новая начальница Хизер. И она приняла меня за Хизер. Ну, конечно. Это же написано черным по белому у меня на бейджике.

Я выдержала несколько мгновений, чтобы это не выглядело грубо, и вырвалась у нее из рук.

– Привет, Ирен, – улыбнулась я. *Может, объяснить ошибку?* Я решила выиграть немного времени, пока мой пьяный мозг пытается разобраться в ситуации. – Вы пробовали серебряного медалиста? Неплохое. Сильный аромат кошачьей мочи.

– Нет-нет, но спасибо за рекомендацию, – она подмигнула мне, и в этот самый момент я увидела, как Тим возвращается из туалета. Я знала, что он не сможет устоять: восхититель-

ное недоразумение, из которого можно будет выжать максимум смешков, пересказывая его. Но я не могла внезапно исчезнуть: это будет невежливо.

– Здравствуйте, мадам, – сказал Тим, присоединившись к нам. – Я Тим МакТимоти, как написано на значке.

Я не то хихикнула, не то фыркнула и в ужасе смотрела на него, не в силах ничего сделать.

– Ирен Рид. Я менеджер в «Лох-Дорне», и мы очень рады, что Хизер с нами. Даже если это только на лето.

Тим понял не сразу. Он озадаченно склонил голову, но когда я очень медленно и аккуратно покачала головой, до него дошло.

– О. Я понял. Вы новый босс Хизер, верно? – пробормотал он, усмехаясь. Он протянул руку, чтобы опереться на стол, и я пожалела, что стою слишком далеко от стола, чтобы сделать то же самое. – Ну, разве это не чудесное гребаное совпадение?

Я разразилась фальшивым отрывистым смехом.

– Да, это замечательно. И мне тоже очень приятно познакомиться с тобой, Тим. Это Совиньон? – спросила Ирен, когда он одним махом выпил последнюю треть бокала.

– Э-э. Ирен? – у меня начала кружиться голова, пока я пытался придумать, как сказать ей правду.

– Да? – сказала она, сделав едва заметный глоток из своего бокала. – О, разве это не замечательно. Здорово, что я теперь знаю, как выглядит человек, о котором я столько слы-

шала. Билл так вас расхваливал, и мы очень рады, что вы к нам присоединитесь. Какое у нас будет лето! Вам понравится наш маленький лесной уголок. Там потрясающе. Но что-то я заболталась. Что вы собирались сказать?

Я смотрела прямо в ее добрые, взволнованные глаза и не хотела увидеть в них разочарование и снисхождение, которые неизбежно появятся, когда я скажу ей, кто я на самом деле. Я чувствовала, как алкоголь струится по моим венам. Выражение чистого восторга от встречи со мной – то есть с Хизер – опьяняло. Я не могла сопротивляться. Не могла отказать себе в этом ощущении, по крайней мере, на один вечер. Завтра я исправлюсь.

– Я забыла, а что у нас с жильем?

– У каждого сотрудника просторная комната в прекрасном маленьком коттедже. Билл должен был вам сказать.

– Да, конечно, так и было, – промычала я, указывая на свой бокал. – Надо полегче с кошачьей мочой. А то я забуду, где находится Шотландия.

Ирен искренне рассмеялась, и, не успела я опомниться, как уже расточала восторги по поводу поездки в «Лох-Дорн», а она без умолку трещала о верховой езде, свежем воздухе и омарах размером с мою голову.

Прошло добрых тридцать минут, прежде чем она наконец упорхнула.

– Я вернусь и попрощаюсь с вами – не сбегайте, – предупредила она.

Я повернулась к Тиму и от волнения рассмеялась:

– Какого черта мне теперь делать? Я должна была отказаться от этой работы от имени Хизер. И я должна была сделать это сегодня!

– Это было чертовски смешно.

– Да, но что теперь?

– Знаешь, тебе стоит взяться за эту работу самой, – произнес он, обнимая меня и притягивая к себе.

– Не говори глупостей, – рассердилась я, отстраняясь от него. Меня не нравились в нем публичные выражения чувств, которое всегда происходило после такого количества выпивки, но никогда в трезвом состоянии.

– Почему нет? Ты не можешь вернуться к своим гребаным родителям. Ты сказала, что даже не разговариваешь с ними.

– И у тебя я пожить не могу.

– Если бы у меня было место...

– Ты бы все равно мне не разрешил, – быстро вставила я и, прежде чем Тим запротестовал, добавила: – Все в порядке. Ничего страшного.

– Птичка, это всего лишь работа в гостиничном бизнесе. Ты легко справишься. Разве ты не работала когда-то в баре? И ты сама сказала, что Хизер она не нужна. Она даже не собиралась им звонить, черт возьми.

– Это правда.

– Это бесплатное жилье. Возможно, бесплатное питание. Определенно бесплатные вино и виски. Шотландия, лето –

что еще тебе нужно?

Я на мгновение задумалась, и идея показалась мне на удивление реалистичной. Хизер сказала, что в этом месте нет ничего особенного. Просто старый паб, семейное заведение в глуши. Я недолгое время работала в баре и официанткой. Я не совсем без опыта. Было бы здорово увидеть Шотландию...

– Если ты за это не возьмешься, то возьмусь я! – Говоря это, Тим широко раскинул руки и опрокинул бутылку вина, которая, в свою очередь, упала на тщательно расставленные бокалы для шампанского, увитые плющом. На мгновение повисла напряженная пауза, а затем они один за другим разбились, ударившись о стол, и рассыпались по ковру вокруг нас крупными зазубренными осколками.

В комнате воцарилась тишина.

Кто-то рядом со мной ахнул:

– О боже, это же старинный хрусталь!

– А это старинный идиот, – парировала я, слегка отступив назад, как будто не знала Тима. Поймав взгляд Ирен на другом конце зала, я изобразила глубоко смущение, пытаюсь одним взглядом показать, что, хотя я и с Тимом, я ни в коем случае не одобряю его действия. Затем, когда официанты засуетились, чтобы все убрать, я схватила Тима, и мы улизнули.

Глава 5

Май

Я устала до смерти. Ресторан полон, обслуживание в разгаре, и я прекрасно справляюсь со своей задачей, нависая над барной стойкой с важным видом, но каждый шаг вызывает у меня жгучую боль в ступнях. Униформа по размеру Хизер мала мне на два размера, но чтобы этого не объяснять, я втиснулась в унылую юбку-карандаш и белую рубашку. У меня есть длинный черный льняной фартук, который крепится толстыми коричневыми кожаными ремнями и хорошо скрывает торчащий жир на поясе, но это не помогает мне нормально ходить. Эта дурацкая юбка настолько тесная, что вместо того чтобы идти, я шаркаю, как киношный робот из восьмидесятых.

Персонал, который я ввела в курс дела как можно быстрее, состоит из пяти серьезных молодых людей, отглаженных, начищенных и готовых к работе.

– Ну, вы все здесь дольше и поэтому все знаете больше меня, – говорю я, используя голую, ничем не приправленную лесть, чтобы они не заподозрили, что я понятия не имею, о чем говорю. – Сегодня я буду учиться у вас.

Рыжеволосая девушка с детским личиком и пирсингом в носу посмотрела на меня с таким восторгом, как будто я поп-

звезда. Она сказала, что ее зовут Роксана, но друзья называют ее Рокси, и призналась, что учится на сомелье и будет рада помочь мне всем, чем сможет. Я хотела обнять Рокси просто за то, что она существует.

Сейчас она поднимает серебряный поднос с двумя бокалами того, что, как я узнала, называется «Беллини»: шампанское с персиковым пюре по 18 фунтов за бокал. Она красива прелестью молодости: идеальная кожа и длинные тонкие руки и ноги. Ее яркие рыжие волосы собраны в тугий хвост.

Благодаря открытой кухне я могу наблюдать за Анис и, что более интересно, за Джеймсом, который, кажется все более раздраженным и потным по мере того, как вечер постепенно переходит в ночь.

– На самом деле Джеймс почти ничего не готовит, – замечаю я Биллу, который полирует стаканы за барной стойкой, наблюдая за тем, как Джеймс ругает десертного повара.

– Ну, он следит за тем, чтобы все было так, как нравится Расселу. Он своего рода дирижер оркестра, а Рассел его владелец, – говорит Билл с кривой улыбкой, полируя очередной бокал. – Но ты и сама все знаешь. Не мне тебе рассказывать, как работает ресторан.

– Ха, да, – бормочу я, пользуясь моментом, чтобы отправить Хизер быстрое сообщение с благодарностью: «Спасибо за совет по поводу вина для шикарного ужина, я дам тебе знать, как все пройдет».

У меня все болит, и я чертовски устала, хотя эта игра

длится всего несколько часов, а впереди еще три месяца подобного удовольствия. Я чувствую себя слишком измотанной, чтобы продолжать.

– Билл, – говорю я, наклоняясь к нему, пока очень высокий голландский официант проходит мимо меня с двумя тарелками какой-то конструкции из куриных ножек. – Во сколько мы обычно сворачиваемся?

– Сворачиваемся?

– Заканчиваем спектакль.

– А, – произносит он, глядя на часы. – Сейчас восемь сорок пять, так что я думаю, часа через три-четыре.

Я лежу на полу в комнате для персонала, левой ногой опираясь о стену и массируя лодыжку правой ноги, и скулю, как хромая собака. Нелепо маленькая юбка-карандаш задралась до бедер, я вытащила из нее блузку из кремового полиэстера и растянула ее так, чтобы на кожу попало немного прохладного воздуха. Униформа не такая шикарная, как ресторан, это уж точно. Я зеваю и тру глаза, мало заботясь о том, размазала ли я по лицу черную подводку. За один день я успела побывать в самых разных условиях – от ледяного холода до обжигающей жары. Каждая клеточка моего тела ноет.

Хотя, думаю, я справилась. Почти все гости заказывали по предварительно составленному дегустационному меню, так что мне почти ничего не пришлось решать на ходу, хотя, поскольку в винной карте под каждым вариантом было неболь-

шое описание, я достаточно подготовилась, чтобы блефовать, если придется. Но быстро обнаружила, что большинство людей просто хотят, чтобы решили за них.

– Не знаю, как вы, но я всегда говорю, что чем проще, тем лучше, – прошептала я нервному мужчине, у которого явно екнуло сердце из-за цен в меню, и позволила ему заказать хорошее дешевое Пино Напа Вэлли.

– Что за мужчина не закажет своей спутнице бокал марочного шампанского? – громко произнесла я пожилому джентльмену, который усмехнулся, посмотрел на свою ухмыляющуюся жену, отложил карту вин и ответил: – Ну, теперь мне придется это сделать.

– Я буду цесарку с бокалом белого, – сообщил Очень Уверенный в Себе Американский Турист. – Что бы вы порекомендовали?

– Боже, я ненавижу рекомендовать вина, – пошутила я, в панике сканируя список глазами.

Он усмехнулся:

– Тогда вам едва ли подходит эта работа.

– До некоторой степени, – быстро ответила я, улыбаясь, когда вспомнила о том, как Хизер жаловалась, что американцы пьют только чертово шардоне.

– Возьмите шардоне, – твердо посоветовала я.

– Обожаю шардоне, – сказал его спутник со стопроцентным тexasским акцентом. – Можно мне в него кубик льда?

– Да. Да, можно, – подтвердила я и пошла обратно к Бил-

ду, чувствуя ликование.

– Похоже, они верят всему, что я скажу, – брякнула я.

– Я согласен, что у нас не такая искусшенная клиентура, как в Claridge's⁷, – сказал Билл. – Их нужно направлять на путь истинный.

– До некоторой степени. – И вот я вновь повторила это выражение. Похоже, теперь я из тех людей, которые говорят «до некоторой степени».

После этого я в основном стояла с очень занятым и важным видом, много кивала младшему персоналу и наблюдала за тем, как они элегантно наливают вино, изящно подают и быстро убирают. Я также взяла у Билла пару бутылок «в исследовательских целях».

Пялясь в потолок комнаты для персонала, пока Билл убежит в бар и покажет мне мою кровать, я удивляюсь тому, что я действительно здесь, в Шотландии, что мне это удалось. Находясь в полубредовом состоянии, я начинаю хихикать.

– Привет, Хизер. – Джеймс озадаченно смотрит, как я лежу на полу. И неудивительно – я выгляжу просто ужасно. Я опускаю юбку и поправляю блузку, но сесть не могу – слишком устала.

– Я не чувствовала себя такой измотанной со времен Ибицы в августе 2014 года. Нет. Неправда. Со времен двадцатичетырехчасового марафона фильмов с Николасом Кейджем. Самое странное, что я едва коснулась его фильмографии. Он

⁷ Пятизвездочный отель в Лондоне

плодовит. Интересно, сколько часов моей жизни ушло бы на все фильмы с ним? «Воздушная тюрьма» особенно длинный. У него не так много фильмов короче двух часов. Сейчас погуглю. Хотя нет, к черту, пальцы слишком устали.

Почему я никак не заткнусь?

Джеймс действительно смеется – надо мной или со мной, мне все равно – затем снимает свою черную бандану и расстегивает поварской халат. Под ним оказывается белая футболка, вся в пятнах пота. Он вздыхает, и у меня возникает ощущение, что у него с плеч свалился тяжелый груз.

– Рад, что у тебя выдалась легкая первая смена, – говорит он, зевая. Должно быть, он шутит, хотя это и незаметно. Он направляется к своему шкафчику и, спрятавшись за дверцей, переодевается, хотя ему не стоило об этом беспокоиться. Я слишком устала, чтобы подглядывать.

– Да просто легкотня, – отвечаю я.

Наконец, примерно через три секунды, желание подглядеть пересиливает, и я бросаю на него быстрый взгляд, но Джеймс уже натянул черную футболку. Его плечи подаются вперед, пока он несколько минут разговаривает по телефону. Затем он наклоняется, чтобы поднять сумку, практически размахивая задницей у меня перед лицом. Я не могу не заметить, насколько она хороша. Это не маленькая попка, которая исчезает в обвисших джинсах, а хорошая, округлая, правильная задница.

Мысленно отругав себя, я снова сосредотачиваюсь на сво-

ем телефоне. Жду, пока он закроет шкафчик, и только потом поворачиваюсь к нему. В течение следующих трех месяцев Джеймс будет моим самым близким коллегой, и мне нужно найти способ наладить контакт с чем-то еще, кроме его очень красивой задницы. Мне нужно привлечь его на свою сторону. Если кто и заметит мои недостатки, так это он.

– Итак, как долго ты здесь работаешь, Джеймс? – спрашиваю я, подавляя зевок. – Извини, очень длинный день. На рассвете уже была на вокзале Сент-Панкрас.

– Да понятно, – говорит он, бросая грязную униформу в большую корзину для белья у двери и усмехаясь. Смех у него очень приятный, теплый, из глубины живота. – Я здесь уже целую вечность. – Он опускается на стул напротив меня, вытирая лицо белым полотенцем. Его темные волосы падают на лоб, они сильно разлохматились после того, как он снял бандану, и слегка влажные от пота.

– Правда?

– Раньше в Дунвегане недолго работал.

– Дунвеган?

– Ну, знаешь, Дунвеган на острове Скай.

– Ах, да, конечно. – Я делаю мысленную пометку посмотреть карту этой местности позже. – Значит, ты с западного побережья?

– Да, – коротко отвечает он, бросая белое полотенце в корзину для белья и откидывая голову назад, чтобы убрать волосы с глаз. – Прости меня. Не очень-то я гостеприимен. Се-

годняшний день для меня тоже долго тянулся. Расселу нужно было... кое-что.

Тут он себя одергивает и качает головой. Очевидно, что он собирался пожаловаться на начальника, и я это понимаю. Никто еще не жаловался на начальников так, как я. Я вообще королева жалоб. Почти каждый начальник, который у меня когда-либо был, не подходил мне по всем возможным параметрам, и, каким бы талантливым он ни был, Рассел кажется классическим мудаком.

Джеймс касается шеи, и я люблюсь его слегка загорелыми руками. Ему осталось только зарыть пальцы в волосы, и я окончательно на него западу.

– Начальники – обязательная часть работы, – сообщаю я.

– Это правда, – говорит он, вставая. – Помочь? – Он протягивает руку и предлагает ее мне.

– Спасибо, – благодарю я, чувствуя, что краснею, когда он берет меня за руку, и мне приходится поспешно поправлять одежду. Подошвы ног мучительно ноют, а вонь, исходящую от моих подмышек, ничем не скрыть. – Прости, Джеймс, мне надо привести себя в порядок.

Он смеется:

– Ты выглядишь нормально.

Сказанное с мягким шотландским акцентом и спокойной уверенностью «Ты выглядишь нормально» – это лучший комплимент, который я когда-либо получала. Я чувствую, как щеки у меня горят от восторга.

В дверь врывается Билл с открытой бутылкой шампанского в одной руке и красного вина в другой. Он немного пошатывается, пока достает пальто, и неуклюже ставит вино на пол.

– О господи боже, давайте поедем, блин, домой. Тебе придется вести тележку, Джеймс, я едва стою на ногах. Подслушал, что пара, которая празднует золотую свадьбу за девятым столиком, пошла окунуться в озеро голышом, если кто хочет повеселиться. – Он рыгает, смотрит на меня и видит мое выражение лица. – Извините, издержки профессии.

Джеймс забирает красное вино из рук у Билла:

– Не надо было его пить, Билл.

– Оно стоит открытое уже несколько дней! – возражает Билл, улыбаясь во весь рот.

Когда я надеваю пиджак, то чувствую, что Джеймс смотрит на меня. Я поворачиваюсь к нему, пока мы ждем, что Билл переоденется, и думаю, не хочет ли он сказать что-то еще. Через мгновение я понимаю, что он не собирается ничего говорить.

– Я бы не отказалась от этого. – Я киваю на бутылку у него в руке.

– Конечно. – Он пялится на вино, затем медленно поднимает взгляд на меня и смотрит мне прямо в глаза. – Ты голодна?

Я плохо слышу, что он говорит, потому что вижу только его глаза. Между нами возникает искра. Я почти отпрыгиваю

назад от шока, затем отрываюсь от невидимой, хрупкой нити между нами, и она лопается. Я перевожу дыхание. Он смотрит в потолок, потом в пол, и тут я вспоминаю, что должна ответить.

– Да, конечно, – отвечаю я, стараясь говорить спокойно, хотя сердце сильно бьется в груди.

– Я чертовски голоден, – произносит Билл, застегивая молнию на серой толстовке и не обращая на нас никакого внимания.

Джеймс уже натянул куртку и открывает нам дверь, пока я собираюсь с мыслями.

Я иду за ними, причем ноги жутко болят, пока мы выбираемся на улицу к тележке, а Джеймс запрыгивает на водительское сиденье и поворачивает ключ зажигания.

– Залезай, Билл, я поеду сзади, – говорю я.

– О боже, спасибо, – бормочет он, опускается рядом с Джеймсом и хлопая его по плечу. – Еще один блестящий день, старина. Потрясающе. Ты просто молодец.

– Тебе нужно поспать, – отвечает Джеймс.

Поездка до коттеджа занимает всего несколько минут, но этого времени мне хватает, чтобы собрать мысли в кучку. Ситуация, в которой я оказалась, притворяясь своей лучшей подругой, опасная. Но все можно спасти, если я буду усердно работать, останусь со всеми в хороших отношениях и дотяну до конца лета. Чего я не могу себе позволить, так это влюбиться. *Сдерживай себя, Птичка!*

Влюбленность будет меня отвлекать, а мне нужно сосредоточиться. Сегодня вечером пора начать ускоренный курс. Нужно выучить миллион сортов вин.

Мы подъезжаем к коттеджу, свет снова включается, и пока Джеймс возится с ключом, Билл берет себя в руки.

– Я покажу тебе комнату, и ты наконец-то сможешь принять душ, – говорит он, зажимая нос и кашляя.

– Да пошел ты, – говорю я, смеясь. – От тебя воняет хуже, чем от меня.

– Я в этом не сомневаюсь, – отвечает он, когда дверь со скрипом открывается. Он подхватывает мой чемодан и включает свет в прихожей. – Твоя комната здесь, вторая справа. Там все готово. Я на втором этаже, первая дверь, а Джеймс в конце коридора, и у него, уроды, своя ванная. Я старше его лет на двадцать, но таково кумовство.

Я чувствую в его голосе намек на что-то неприятное. Бросаю короткий взгляд через плечо, пока мы идем по узкому коридору: Джеймс все еще стоит у входа на кухню с бутылкой вина в руке. Брови у него, как всегда, нахмурены, и он снова выглядит так, будто хочет поговорить.

– Итак, что ты готовишь? – спрашиваю я его.

– Грюйер на бездрожжевых тостах, – отвечает он, хотя в голосе слышится вопросительная нотка.

– Что?

– Гренки с сыром, – отвечает Билл из кухни.

– О, черт возьми, да, пожалуйста, – отвечаю я с улыбкой

и замечаю, как глаза Джеймса светлеют, когда я отворачиваюсь.

Ванная комната маленькая, но чистая, и после того, как я понимаю, что, должно быть, оставила свой пакет с банными принадлежностями в общественном туалете в Инвернесе, я роюсь в шкафах и достаю самую новую на вид зубную щетку, остатки чьего-то средства для мытья лица и почти полную бутылку геля для душа под названием Power Clean Big Guy Wash⁸ или что-то в этом роде.

Я переодеваюсь в ванной комнате, поскольку у меня впервые в жизни есть соседи-мужчины. Надеваю фланелевые штаны и растянутую старую футболку, а волосы распускаю по плечам. Мне нравится эта легкость. Скоро я привыкну к более короткой стрижке. Чувствую, что напряжение спало, а на смену ему пришел голод. Достаю свой телефон, который, вот черт, не проверяла с тех пор, как отправила Хизер сообщение несколько часов назад. На часах четверть первого.

Сообщений нет. Конечно. Тим напился где-то недалеко от офиса. Возможно, он уже снял костюм и прыгнул в реку или начал петь футбольные песни со своими не менее пьяными приятелями на стоянке такси на улице. Интересно, рассказал ли он своим друзьям о том, чем я занимаюсь? Скучает ли он по мне? Скучаю ли я по нему? На мгновение мне приходит в голову, что было бы неплохо тосковать по возлюбленному на другом конце страны. Но я не тоскую. Я точно не скучаю

⁸ Супер-очищение для большого парня.

по Тиму.

Я кладу телефон обратно в сумку и открываю дверь в ванную. Слышу голоса Билла и Джеймса в общей комнате отдыха, а запах поджаренного хлеба с сыром наполняет коридор. Я проголодалась и рада потерпеть пьяного Билла, одновременно избегая внимания Джеймса, ради бесплатной еды.

– Привет, – говорю я, входя. Теперь я немного стесняюсь, что необычно для меня, но пьяный Билл так комично рад меня видеть, а Джеймс улыбается уже менее натянуто. Лучше бы он не улыбался. У него очень-очень милая улыбка.

Комната отдыха достаточно большая. В дальнем конце есть небольшая кухня, которая явно не обновлялась с восьмидесятых годов: там много шпона и бакелита, специально сделанных для поколения, которого больше нет. Крошечные ящички для трав, пол из терракотового кирпича и ручки с цветочной росписью. Еще есть микроволновая печь размером с посудомоечную машину. Передо мной стоит большой кожаный диван в стиле «Честерфилд» и два кресла по обе стороны от журнального столика, а на стене висит огромный телевизор с плоским экраном. На дальней стене пробковая доска, на которой прикреплено что-то похожее на список дежурств сотрудников, а также несколько фотографий людей, которых я не узнаю, и флаер на что-то под названием «Шотландская вечеринка винного общества».

– Что это? – спрашиваю я, подходя к доске и снимая листовку с булавки. – «Шотландская вечеринка»? Звучит при-

кольно. Ну, вообще-то похоже на клуб свингеров.

Билл раздражается смехом, достает с полки три маленьких бокала для вина и наливает красного:

– Это лучшая гостиничная вечеринка на западном побережье.

– О, там, наверное, неограниченное количество хаггиса⁹?

– Да еще и дождь, – добавляет Джеймс, и я хихикаю, в основном от шока, что он только что почти пошутил.

– А где шампанское? – спрашиваю я. – Если оно еще есть, я бы с удовольствием выпила шипучки.

Вот как я разговариваю о вине. Я действительно люблю шипучку. Мне нравится чувствовать себя шикарно, когда я ее пью. Я люблю каву, просекко и шампанское на свадьбах. Люблю до глубины своего пьяного и кокетливого сердечка.

– Я прочитал про шампанское с грюйером. – Из-за стойки выходит Джеймс. Теперь он расслаблен, выглядит еще более красивым, и я с удивлением замечаю, что на нем очки для чтения, которые он быстро снимает. – Похоже, это отличное сочетание.

– Ладно, зануда, хватит, рабочий день закончился, – говорю я, улыбаясь ему, и он тоже отвечает улыбкой, нагибаясь, чтобы осмотреть гриль.

– Да ладно, Джеймс, не всегда же говорить о молекулярной пене из свиной спермы. Вот, пожалуйста, только, к со-

⁹ Хаггис – национальное [шотландское](#) блюдо из бараньих [потрохов](#), порубленных с [луком](#), [салом](#), [приправами](#) и [солью](#) и сваренных в бараньем желудке.

жалению, бокал не той формы, – бормочет Билл, вытаскивая серебрястую пробку из бутылки.

– Именно, – киваю я, забираясь на табурет рядом с Биллом, пока Джеймс вытаскивает из духовки противень с сырными тостами. – Боже, пахнет просто невероятно. Что ты туда кладешь?

– Грюйер, горчицу – всего понемногу, – роняет он, пожимая плечами и, кажется, слегка краснея.

– Готовка для меня – загадка, – признаюсь я. – Однажды я пыталась приготовить говядину по-бургундски, используя свинину и кока-колу.

– Но это же совсем не то, – хмурится Джеймс. – Хотя свинина и кола сочетаются на удивление хорошо, ни то, ни другое не имеет отношения к говядине по-бургундски.

– Нужно подождать, пока он остынет, – вмешивается Билл и берет один ломтик. – Извините, Хизер, но вы не похожи на других сомелье. Судя по вашему резюме, я бы подумал... – Тут он замолкает.

Я не хочу думать о том, к чему клонит Билл, поэтому делаю еще глоток шампанского, и пузырьки танцуют у меня на языке. Оно тяжелее и почти горькое по сравнению с просекко, которое я пила зимой в местном пабе, где его наливали из крана, что было очень удобно.

Билл бросает взгляд на Джеймса:

– Тебе так не кажется, Джеймс?

– Что ты имеешь в виду? – отвечаю я с притворным возму-

щением и тянусь за ломтиком. Он достаточно остыл, я откусываю кусочек, и, не будучи готовой к ореховому сладко-соленому вкусу, который обволакивает язык, давлюсь. – Господи, мать твою, это лучше, чем...

– Секс, да, поэтому я больше и не замораживаюсь по этому поводу, – говорит Билл, кивая головой в знак согласия.

– Я хотела сказать, это лучше, чем тосты «Греггс»¹⁰.

Джеймс смеется, как будто я шучу, и Билл тоже.

– Видишь. Вот это я и имел в виду. Ты с юмором, а среди специалистов по вину такого не бывает, – замечает он.

– Простите? – Я смеюсь, поскольку невозможно обидеться на что-то, что вообще-то не направлено против меня. Я делаю большой глоток шампанского, вкус которого слегка заглушается слоем сырного жира во рту. И, боже мой, это отличный вкус.

– Не знаю. Ты явно не гурман. И выглядишь так, будто работаешь в музыкальном магазине.

– Билл, – обрывает его Джеймс, – не говори так.

– Что плохого в работе в музыкальном магазине? – поддразниваю я Джеймса. Я знаю, что он хотел проявить доброту, но это слишком хорошая возможность поймать его на слове и посмотреть, смогу ли я снова заставить его покраснеть.

Я, конечно, не скажу им, что моим третьим рабочим ме-

¹⁰ Фирменные тосты в Великобритании.

стом после универа был местный магазинчик НМV¹¹, как раз перед тем, как он разорился. Вся моя коллекция дисков состояла из тех, на которые распространялась скидка для персонала во время финальной распродажи перед закрытием. Она была огромной и разнообразной, и, возможно, именно ею я гордилась больше всего из всех моих вещей. К сожалению, в 2015 году я продала все, что было, свадебному диджею из Халла, чтобы оплатить счет по кредитной карте. Теперь у меня ничего нет.

– Извини, я ничего такого не имел в виду. Просто большинство тех, кто изучает виноделие, – богачи. Изучение вина стоит кучу денег и... – Билл останавливается на полуслове, усмехается и прикусывает губу, опустив взгляд в пол. – Я понимаю, что только что угодил в очень глубокую яму и не могу выбраться. Простите меня.

Он склоняет голову, притворно стыдясь, и я хихикаю, снова наполняя бокал.

– Все в порядке. Я знаю, что я не та Хизер, которую вы ждали. Все думают, что я гораздо более утонченная, но я просто выпивоха, которой за это еще и платят.

Билл смеется, но у меня вдруг портится настроение. Даже играя роль кого-то типа Хизер, я не справляюсь. Я опускаю взгляд в свой бокал, испытывая внезапное желание лечь спать. Джеймс, должно быть, почувствовал мою обиду, потому что он подталкивает ко мне доску с сырными тостами.

¹¹ Музыкальный ритейлер.

– Возьми еще, – предлагает он, поворачиваясь, чтобы помыть руки в раковине позади себя.

– Я серьезно, – продолжает Билл, увлекшись темой. – Помните хотя бы Мануэля с его костюмами в полоску и снобистским французским акцентом...

– Это был снобистский французский акцент или обычный французский, который, по-твоему, звучит снобистски? – издеваюсь я.

– Что?

– Потому что первый ответ выставляет муذاком его, а вот второй – тебя. – Я делаю еще один глоток вина и откидываю голову назад, довольная собой.

– Не обращай внимания на Билла, он пьян... – вмешивается Джеймс, бросая на него предупреждающий взгляд.

– Слушайте. Все, что я хочу сказать, Хизер, дорогая, – продолжает Билл, не обращая на него внимания, – это то, что ты классная, в отличие от остальных. – Он хлопает меня по спине и чуть не соскальзывает с табурета. – Я просто не могу представить тебя в роли винного мастера: они обычно такие высокомерные. Разве я не прав, Джеймс?

Джеймс смотрит на меня, и после пары бокалов мне удается выдержать его взгляд.

– Я думаю, что ты глоток свежего воздуха, – признается Джеймс, затем опускает взгляд и вытирает лезвие кухонного ножа полотенцем в клеточку. Он переворачивает лезвие в руке, чтобы осмотреть его, и оно вспыхивает, отражая

свет. Затем Джеймс разворачивает большую сумку-скрутку с ножами и вставляет его в пустующий карман посередине. В этой сумке есть что-то неоспоримо сексуально-опасное, хотя я только что закончила просмотр «Декстера»¹² в поезде. Джеймс делает паузу и бросает на меня короткий взгляд, а затем задвигает сумку с ножами обратно в ящик.

Глоток свежего воздуха.

В жизни меня называли по-разному, но это первый раз, когда меня назвали глотком свежего воздуха. Мама называла меня невоспитанной. Папа называл меня маленькой попрошайкой внимания. Моя первая соседка по квартире, чопорная овца, работавшая в отделе кадров, называла меня лживой, вороватой маленькой дрянью, потому что думала, что я украдала ее кисточку для макияжа MAC. (Я одолжила ее и потеряла, так что технически я ее не крала, но в любом случае, она не могла знать, что это я). Меня уже столько раз называли гребаной неудачницей, что это казалось нормальным. Хизер в основном называет меня замечательной, но я и так всегда приберегаю все лучшее для Хизер.

Я смотрю на Джеймса, и мое сердце трепещет.

Мы оба тянемся к шампанскому. Он добирается до него первым, и я как бы «случайно» касаюсь его пальцев. Не могу удержаться. Даже я не могла неправильно распознать сигналы. К тому же я модная молодая сомелье, а все знают, что новизна – это 80 процентов привлекательности. Наверняка

¹² Сериал про маньяка-убийцу.

я привлекательна при таком сценарии?

Внезапно смутившись, я пытаюсь выкинуть эту мысль из головы.

– Извини, – бормочу я, чувствуя себя немного глупо и отдергивая пальцы, – наливай.

Билл наконец сползает с табурета и, используя свободную руку для опоры, отдает честь Джеймсу и снова легонько хлопает меня по спине. Он рыгает, его взгляд затуманен, он качает головой и опрокидывает вино на пол.

– Так, мне пора идти, – решает он, наклоняясь, чтобы поднять его, и успевает ухватиться за барную стойку, чтобы не упасть. – Спокойной ночи, ребята. Я удалбался!

– Удалбался? – тихо произношу я, подавляя усмешку. – Кто вообще так говорит?

Джеймс наполняет мой бокал и на мгновение замирает, глядя на свой. Поднимает его, затем опускает. Кладет руки на бедра, и я понимаю, что его смущает тот факт, что мы остались на кухне одни. Новые соседи по дому. Коллеги на протяжении лишь нескольких часов. Взрослые люди. Сексуальное напряжение нарастает. Или только у меня?

– Мне тоже пора. У меня завтра полно работы, – роняет он. – Извини, что оставляю тебя.

– Не нужно объяснять, – произношу я, немного разочарованшись, но в то же время с облегчением. – Я так устала, что готова уснуть прямо здесь, на этой кухонной стойке.

– Разве твоя комната не в конце коридора? – хмурится он.

– Я не собираюсь спать здесь, Джеймс.

– Конечно. – Он качает головой. – Слушай, извини, что я был немного, эм, резок с тобой, когда ты приехала.

– Все в порядке. Это было около восьми часов назад. Я уже все забыла.

– Просто все меняется. Рассел новый, и меню новое, и я не хочу наделать ошибок. Я волновался, что ты...

– Не справлюсь с задачей?

– Нет, что у нас не будет времени все обсудить. – Он на мгновение делает паузу, бросая короткий взгляд на пол. Трет глаза ладонями и пытается скрыть зевок. – Просто все довольно серьезно, поскольку мы вводим новое меню и обновляем сам отель. Но все наладится.

Я хочу заверить его, что не облажаюсь, и твердо обещаю себе начать изучение вина сегодня вечером.

– Все и правда новое, – говорю я, внезапно сдуваясь от усталости и трех бокалов наспех выпитого шампанского. – Но не волнуйся. Мы не облажаемся.

Я хочу обнять его. Он напоминает мне дерево. Хорошее, большое, крепкое дерево.

Иди к себе в комнату, Птичка.

Глава 6

– Как дела? – бормочу я, зевая и вращая плечами, чтобы их расслабить.

Вот что бывает после десяти часов непрерывного сна: наступает трупное окоченение. Все мое изучение вин закончилось на том, что я едва смогла загуглить слово «вино», настолько я была измотана.

– Извините, я хотела сказать: «Здравствуйте, Ирен, как дела? Рада снова вас видеть».

Я широко улыбаюсь, потому что если я чему-то в этой жизни и научилась, так это тому, что уверенность – это ключ к успеху.

Может быть, Ирен и старше большинства сотрудников, выглядит она как богемная французская супермодель. Сегодня она еще гламурнее, чем на винной церемонии. Ее пышные белые волосы наспех собраны в хвост, но макияж безупречен. Она одета в длинное кимоно цвета морской волны поверх белой рубашки и широких брюк бутылочно-зеленого цвета. Я не вижу ее туфель, но слышу, как они цокают по галечной дорожке возле коттеджей.

– А я вас, дорогая. Мне очень жаль, что я не смогла поприветствовать вас вчера вечером, но, к сожалению, свинару необходима была весенняя уборка.

Я приостанавливаюсь, пытаюсь представить себе это эле-

гантное, величественное существо по колено в свином дерьме.

– Все в порядке, я приняла ванну, – улыбается она. – Мы же поднимемся пешком? Такой чудесный день.

Термометр показывает дай бог десять градусов, и хотя сегодня утром я выбрала более повседневную одежду – серую толстовку и джинсы, – она все равно не подходит для такой погоды.

– Какая удача встретить вас в Лондоне! Какое чудесное совпадение! А ведь мы могли бы и не узнать друг друга, если бы нас не заставили надеть эти невыносимые бейджики.

– Да, это был... замечательный вечер. Тим был так... смущен из-за этих старинных бокалов. – К тому времени, как он несколько раз пересказал эту историю тем же вечером и дошла очередь до Дейма, речь уже шла о целой башне из бокалов шампанского.

Ирен улыбается мне и кивает, как любящая тетя. Эта улыбка говорит: «Он мне ни капельки не понравился, но я слишком благосклонна к тебе, чтобы что-то сказать, поэтому буду молчать».

Я ускоряюсь, так как она очень быстро шагает на своих каблуках. Она из тех людей, которые легко ходят на шпильках, почти скользят. Я рада, что на мне кроссовки, так как ноги у меня распухли и я не вижу никаких признаков выздоровления, хотя осталось меньше двух часов до обеда.

– Да, нам так повезло, что вы с нами, – продолжает Ирен. –

Я рассказала Расселу, какая вы веселая. Уверена, вы отлично впишетесь в коллектив.

– Спасибо. Мне так повезло, что я здесь. – Я хочу пошутить, что это единственное место, куда меня взяли, но не уверена, насколько далеко мне следует заходить с темой «Хизер – такая шутница».

– Итак, я хочу показать вам наше уютное местечко, – продолжает она. – Знаю, что вам предстоит изучить гору информации, чтобы освоиться на кухне и в погребе, но подумала, что небольшая экскурсия поможет вам сориентироваться. Билл, кажется, полагает, что вы не знали о переменах здесь?

– Ах, да. Это был сюрприз.

Мы доходим до задней части дома, но вместо того, чтобы войти на кухни, она ведет меня вдоль задней стены к большим французским дверям с огромными растениями в кадках по обе стороны.

– Это выход для гостей, хотя он используется не так часто, разве что теми, кто отправляется на пешую или конную прогулку. Мы стараемся, чтобы все пользовались главным входом, где машинам легче выезжать.

Она толкает дверь и приглашает меня пройти вперед.

Я ахаю. Обстановка потрясающая. Серая плитка ведет вниз к стеклянным входным дверям, которые делают маленький темный коридор воздушным и светлым. По обе стороны от двери стоят вазы со свежими цветами – это огром-

ные охапки бледно-розовых пионов, моих любимых.

– Здесь великолепно, – честно признаю я.

Мы идем к стеклянным входным дверям, которые находятся внутри распахнутых настежь старых резных деревянных дверей. Две огромные лестницы ведут вниз к подъездной площадке. Я помню, что видела их вчера, но сейчас мне бросилось в глаза, что они из роскошного натурального камня.

Справа от входа находится открытая шикарная зона отдыха: удобные, обитые кожей и дорогими узорчатыми тканями диваны и кресла стоят под стеной, украшенной посеребренными оленьими рогами. Все такое новое, что я чувствую запах краски. И все выглядит очень дорого.

– Это библиотека, – сообщает Ирен, хотя книги кажутся частью какой-то инсталляции, приклеенной к стене в форме огромной спирали.

– Если вы увидите, что кто-то из гостей пытается взять книгу, остановите его. Эта штука обошлась нам почти в двадцать тысяч фунтов. Можете себе представить? Просто предложите им один из наших бесплатных iPad, куда они могут загрузить любую книгу, которая им понравится. Разумеется, это будет включено в счет.

– Как современно! – восхищаюсь я. Бутик-отели сейчас так поступают? Потому что это определенно противоречит атмосфере «деревенского отдыха». Я ожидала увидеть пару старых коробок с «Монополией» и «Эрудитом» на полке сре-

ди литературной классики и романов Дэна Брауна. Здесь не особенно уютно.

– Весь дом отделывала лондонская фирма Pardington's, – объясняет Ирен, словно читая мои мысли. – Рассел заказывал у них отделку своего ресторана в Эдинбурге – того самого, который получил вторую звезду Мишлен в прошлом году, – так что мы надеемся, что это привлечет в отель совсем других гостей. Отремонтировали все, кроме ресторана, как вы, несомненно, заметили вчера вечером.

– Здесь невероятно шикарно.

– Да, теперь мы наконец-то в XXI веке. Вы бы видели это место раньше. О, оно было уютным и милым, но крыша библиотеки протекала, все отсырело. Мы не могли много брать за номера. Это был колоссальный проект по колоссальным ценам. Будем надеяться, что он справится со своей задачей, – говорит она, хлопая в направлении потолка. От хлопка загорается свет. Это место подошло бы для Шордича¹³. Только для членов клуба и чересчур дорогое. Но там бы оно точно было в тему.

Хизер часто рассказывала о частных домах, в которые она ходила. Какой-то Баббадук-Хаус или Чертово-поместье-Хекслибарнз со всеми этими ужасными рекламщиками и банкирами, которые мерялись членами, держа в одной руке бокал бодрящего кларета, а другой приобнимая какую-нибудь пузатую шишку.

¹³ Престижный и дорогой район Лондона.

«Высококласные придурки», – так их называла Хизер, хотя она и могла вписаться в их среду, в отличие от меня. Это она унаследовала от отца. Ему стукнуло пятьдесят восемь лет, когда родилась Хизер, и еще он был довольно известным виноторговцем. Хизер унаследовала его уверенность в себе, страсть к вину и деньги, конечно, тоже. Немного, но достаточно. Какая-то часть меня всегда завидовала ей, когда она уезжала в университет, получая ежемесячные карманные деньги, в то время как мне приходилось работать на двух дерьмовых работах, чтобы позволить себе учиться. Но, надо отдать ей должное, Хизер, наверное, миллион раз заплатила за меня в баре, так что все было не так уж плохо.

В углу библиотеки сидит один гость: пожилой мужчина в кожаных туфлях цвета загара, без носков, в ярко-синей рубашке поло.

– Доброе утро, Мэтью, – пропевает Ирен, мастерски сочетая флирт и профессионализм. – Вам ничего не нужно?

– Нет, Ирен, – отвечает он, складывая газету и улыбаясь мне. Его ледяные голубые глаза и золотистые волосы делают его скорее киношным злодеем, чем джентльменом. Я не удивлюсь, если он заговорит с русским акцентом.

– Наша новая сомелье, приехала из Лондона, – представляет Ирен, кивая в мою сторону. – Скоро сможете ее испытать.

– С нетерпением жду этого, – говорит он, откидываясь на спинку стула и закидывая ногу на колено. Классический при-

ем силы.

– Со мной шутки плохи, сэр, – сообщаю я, автоматически переходя в режим флирта.

– Вот теперь я действительно с нетерпением жду, – произносит он, складывая руки на груди.

Ирен поворачивается ко мне, едва заметно покачивая головой, и ведет меня в приемную через холл, шепча:

– Мистер Хант – президент Общества виноделов Шотландии. Но предупреждаю: он наш постоянный гость и ужасный пьяница. Он будет домогаться и лошади, если выпьет достаточно виски. А в прошлом году он так и сделал.

Я немного шокирована, но Ирен просто качает головой, как будто видела такое сотни раз.

– Отчасти присматривать за вами, пока вы здесь – моя работа, и раз теперь вы знаете, что за человек мистер Хант, то лучше сможете с ним справиться. Тем более, что вы женщина. Женщины в гостиничном бизнесе должны заботиться друг о друге, впрочем, я уверена, что вы это хорошо знаете.

Ирен так ласково улыбается мне, что я начинаю думать, что она собирается погладить меня по голове. Но через мгновение мы снова уходим.

– Вместе с Джеймсом вы будете подбирать вино и меню для следующей встречи Общества в конце лета. В течение следующих нескольких дней нужно будет подумать над идеями для вечера, чтобы мы могли передать заказы. В послед-

ний раз тема звучала как «Гроздь гнева»¹⁴. Билл собрал список бюджетных вин, которые на самом деле отличные, и несколько якобы исключительных вин, которые на самом деле очень плохие.

– Звучит круто, – бодро произношу я, пытаясь скрыть панику.

– Милая, это как Аскот для Винного общества¹⁵.

Я стараюсь выглядеть уверенной и серьезно киваю.

– Более ста человек со всего западного побережья и не только. Это больше, чем просто винное мероприятие, оно стало очень значимым в гостиничном бизнесе на западном побережье. Сюда приезжают не только чопорные старые виноделы. Тут и байеры, и производители, и фермеры. Строгий вечерний дресс-код, оркестр, танцы и виски до рассвета. Это событие – гордость «Лох-Дорна». А с ремонтом, Расселом и тобой, Хизер, во главе, мы надеемся, что оно станет лучшим в истории.

– Хорошо. Понятно.

Сквозь нарастающее беспокойство я обнаружила, что чувствую легкое раздражение на Хизер за то, что она отказалась от этой работы. Понимала ли она, что они все так на нее рассчитывали? А теперь они рассчитывают на меня, что, честно говоря, грозит катастрофой.

Ирен поворачивается и показывает рукой на зону приемов

¹⁴ Аллюзия на книгу Стейнбека.

¹⁵ Королевские скачки, которые собирают массу именитых гостей.

и барную зону, где несколько хаотично стоят стулья и кресла и видна дверь на небольшую пустую террасу.

– Для обедов на улице пока холодновато, – объясняет она. Интерьер потрясающий: кожа, полированная латунь и глубокие цвета. В дальнем конце комнаты есть дверь в ресторан, а за барной стойкой – дверь на кухню.

– Итак, гости могут расслабиться в библиотеке и насладиться кофе, чаем, практически любым блюдом или напитком. Музыка здесь очень тихая, а атмосфера располагает к отдыху. А тут, в баре и зоне приемов, все немного бодрее, если можно так выразиться. Бар, конечно, открыт двадцать четыре часа в сутки, но там не всегда кто-то есть, так что, скорее всего, придется звонить в колокольчик, если вы захотите выпить бренди в три часа ночи. Иногда, после ужина можно предложить им насладиться виски у камина. А вот и Билл.

Я удивлена, что он выглядит так бодро после вчерашней пьянки. Он улыбается мне и поднимает бокал, который собирается наполнить чем-то из коктейльного шейкера. От ароматической свечи, стоящей у бара, исходит чудесный запах, свежий и чистый, с нотками лакрицы.

– Не позволяй Ирен учить тебя жизни, – заявляет он.

– Не позволяй Уильяму наливать тебе выпивку, – парирует Ирен, но я вижу, что между ними глубокая симпатия. Я принимаю оба совета, и мы продолжаем нашу экскурсию.

– Отведу вас наверх, чтобы вы посмотрели пару комнат

для гостей. В принципе вам необязательно их смотреть, поскольку у вас не должно быть причин находиться на втором этаже.

Очень жаль, потому что – черт возьми! – комнаты просто невероятные. Когда мы заходим в первый свободный номер, мое внимание привлекает ванна с коваными бортиками, которая очень удачно расположена рядом с большим окном. Из окна видна яблоня, которая только зацветает. Она великолепна.

Кровать размера супер-кинг-сайз с хрустящим бельем и подушками глубокого сине-золотого цвета. Телевизора с плоским экраном не видно, вместо него стоит комод из вишневого дерева, большое позолоченное зеркало и диванчик на двоих, отделанный ярко-синим бархатом.

– Живут же люди... – вздыхаю я, поглощенная моментом.

– Похоже на то, – говорит Ирен, открывая балконные двери, чтобы проветрить комнату. – Видели бы вы эту комнату три месяца назад. Сплошное уныние. Мне так нравятся эти льняные шторы!

Когда мы снова спускаемся вниз, она заканчивает осмотр небольшой речью о том, как персонал «Лох-Дорна» должен вести себя с достоинством и блеском и поддерживать традиции общества, которые тянутся аж с... Но мне трудно сосредоточиться, потому что мистер Хант, к которому присоединилась жена, сытая по горло его выходками, бросает на меня взгляды из барной зоны. Бедная миссис Хант! Его нога со-

скальзывает с подставки, и он падает вперед, чуть не сбивая цветы, как раз в тот момент, когда мимо нас протискивается индийская пара, розовощекая и смущенная.

– Молодожены. – Ирен на мгновение прерывает свой монолог, чтобы сообщить мне об этом.

Я чувствую себя так, будто попала в реалити-шоу про любовь.

Я переключаю внимание на Ирен, которая рассказывает, что отель «Лох-Дорн» стремится к золотому стандарту и делает все возможное, чтобы убедиться, что все потребности клиента удовлетворены. Она использует такие слова, как «довольный», «удовлетворенный», «приезжают снова и снова», и вскоре мне становится очень трудно сохранять серьезное выражение лица.

– Как во все это вписывается Рассел? – спрашиваю я, пытаясь не расхохотаться.

– Его пригласили, чтобы он модернизировал ресторан, – отвечает она.

– И он этого добился, я считаю, – отвечаю я, когда Ирен снова хлопает в ладоши, чтобы выключить свет.

– Он здесь не каждый день. У него есть другие рестораны, поэтому он очень занят, – начинает она словно хорошо заученный сценарий, – но он ожидает абсолютного совершенства, которое бывает довольно трудно достичь, но мы должны это сделать! Отель преобразился за счет его имени, значительных средств владельца и неустанного труда персона-

ла. Мы должны закрепить эти изменения. Довести дело до конца! Сплотиться все вместе!

Я не верю, что она все это так уж поддерживает, несмотря на все позитивные высказывания. Это напоминает мне Хизер, которая пыталась похвалить мой ужин, который пригорел.

– Мне просто интересно, потому что вчера вечером Рассела не было на кухне.

Ирен слегка поджала губы:

– Джеймс занимается повседневной тяжелой работой, а Рассел – идейный вдохновитель и управляет конечным результатом, и мы реализуем его видение без вопросов. Учитывая это, вам пора готовиться к обеду.

– Поняла, – киваю я.

– Кстати, Билл сказал вам, что на завтрак, обед и ужин предлагается питание для персонала? Вы можете получить его в столовой, если она пустая, или в комнате для персонала.

– О, это здорово. – Я ожидала, что так и будет, но Билл ничего не сказал, и я начала думать, что мне придется копаться в мусоре, чтобы найти еду.

– И последнее, милая. – Ирен берет мои щеки в свои ладони с такой непринужденной лаской, что мне хочется дать ей повод мною гордиться. – Этот ваш парень... Молодой человек, которого я встретила на Винной премии... Он придет в гости в течение лета?

– О нет. Я имею в виду, у нас все не настолько серьезно, чтобы он приезжал на выходные, – быстро отвечаю я.

– Что ж, – говорит она, опуская руки со вздохом облегчения, – вот действительно хорошая новость.

Глава 7

Я совершила большую ошибку.

В момент передышки перед обедом я смотрю в темную бездну шкафчика с надписью «Хизер» на дверце и честно оцениваю свое положение. Я не в настроении делать себе по-блажки. Ясно, что, вопреки словам Хизер, это место очень серьезное. И работа серьезная.

А чего ты ждала?

В свое время ты наделала немало глупостей, Птичка Финч, но тут ты превзошла себя.

Ты все испортишь, и Хизер будет в ярости. Она рассчитывала на то, что ты вытащишь ее из этой ситуации с незапятнанной репутацией, а ты все испортишь.

Что, черт возьми, ты наделала?

Я совершила большую ошибку.

Когда я решила съездить сюда, я по большей части рассчитывала на то, что потом мы с Хизер будем сидеть вместе у огня за крошечным столиком в пабе и хихикать, обсуждая мои летние злоключения в роли сомелье в разваливающемся отеле. Но это вдруг стало казаться маловероятным.

Мы с Хизер только один раз по-настоящему рассорились. Тем ужасным мрачным летом она закончила стажировку в Бордо в каком-то модном шато, а я работала в билетной кассе в стенд-ап клубе в Сохо. В том году Хизер добивалась од-

ного успеха за другим. Казалось, я потратила целый взнос за дом на шарики, бантики и просекко, чтобы отпраздновать ее бесконечные новые повышения или винные дипломы. Конечно, я гордилась ею, но мне приходилось постоянно за нее болеть. Больше болеть было некому. И иногда это было утомительно.

Я не удосужилась в очередной раз снять шарики, из которых состояло слово «Поздравляю!» у нас на кухне, и сдувшись, они наполовину сползли по стене, оставив только надпись «Поз».

Я смотрела на них, держа в руке неоплаченный счет за газ. Поэтому я и сдала комнату Хизер в субаренду.

К несчастью, стендапер Кортни 21 года от роду из Маргейта украдала кучу одежды Хизер, сожгла ее кофейник и описалась у нее в постели после бутылки «Егермейстера».

Хизер злилась не из-за кровати или пропавшей одежды. Она злилась, что я скрыла это от нее. Но вместо того, чтобы признаться, что у меня не было денег, и извиниться, я выплеснула наружу весь свой гнев и наорала на нее.

– Ты не знаешь, каково это – быть совсем без гроша! У меня нет никакой гребаной подстраховки. У тебя есть наследство, и ты можешь уехать на лето во Францию и изучать вино, как папа, не наделав при этом долгов, а стрижешься ты у кого-то по имени Эшли!

– Я бы предпочла иметь семью, чем наследство.

– А я бы предпочла иметь наследство, чем семью. Семья

– это еще не все.

Последовали три месяца ледяного молчания, пока я не за-
явилась к ней домой с новым кофейником и половиной бу-
тылки виски.

– Я видела в соцсетях, что ты поступил на курс «Мастер
вина», – невнятно пробормотала я. – Я рассказала об этом
всем на Северной линии метро. А потом медсестре, которая
шла домой из больницы и выглядела так, будто ей нужно вы-
пить. А потом к нам присоединился строитель по имени Раф,
и, не успела я опомниться, как оказалась в Бернт-Оук¹⁶.

– Я все еще злюсь, – сообщила она, отхлебнув виски.

– Я знаю, – вздохнула я, и она схватила меня за свободную
руку и потянула внутрь.

– И я уже заменила этот чертов кофейник.

– Хизер, мне так жаль.

– Я знаю. Просто, – она сделала глубокий вдох, – просто,
пожалуйста, постарайся привести в порядок свою жизнь.

– Я постараюсь, – кивнула я. – Когда уже ты от меня уста-
нешь?

– Наверное, никогда, дурочка.

Но сейчас, глядя в ее шкафчик, я задаюсь вопросом:
неужели пришел этот момент? Неужели я разрушила нашу
дружбу?

Как я собираюсь проявить себя в заведении с шеф-пова-
ром, отмеченным чертовой звездой Мишлен? Я могу только

¹⁶ Район в пригороде Лондона.

предположить, что она не знала, что отель полностью пере-страивается и завален деньгами. Она не могла знать, потому что в противном случае получается, что она мне солгала. А Хизер мне не лжет.

Я думаю, не стоит ли мне сбежать. Но не вижу подходящего способа: это будет означать, что Хизер бросила работу. Другой очевидный вариант – признаться во всем Биллу или Ирен, а потом сбежать. Но в этом случае Хизер тоже будет выглядеть в неприглядном свете. И тут я представляю лицо Ирен, ее руки у меня на щеках, и этот взгляд, полный гордости и решимости. Я должна найти другой способ.

– Приветик, – произносит знакомый голос.

– Привет, – говорю я Биллу, который вышел из соседней ванной.

– Рассел собирается наблюдать за обедом, – сообщает Билл, открывая свой шкафчик.

– Ах вот как? – отвечаю я, нахмурившись.

– Не нервничай. Все будет хорошо. Я знаю его уже много лет. Он только лает, но не кусается. Кроме того, этот человек пьет только виски, так что вряд ли он поймет, если ты чего-то не знаешь. – Билл усмехается, а я внутренне сжимаюсь от стыда.

– Билл, у меня не было и пяти минут, чтобы просмотреть список...

– Никто не ожидает, что ты выучила список, – заявляет он, приглаживая свои редеющие волосы вокруг ушей.

Я киваю, решив, что скомпрометирую себя, если буду протестовать дальше.

Я возвращаюсь в столовую, Билл следует за мной. На обед сегодня заказано всего три столика, а на вечер – пять. Но в обед, говорит мне Билл, редко бывает дегустация, так что меня не спасет предварительно составленное меню.

– А у вас часто бывают посетители с улицы? – спрашиваю я, с тоской глядя в окно на бесконечные лужайки и леса вдалеке.

– Может быть, попозже, летом, – отвечает Билл, – но после реконструкции мы ожидаем, по крайней мере, пару недель полной брони. На ближайшую пятницу и субботу у нас все забронировано.

– Это здорово, – радуюсь я, глубоко вдыхая и доставая карту вин.

Понятнее она не стала. Я быстро сканирую ее в поисках чего-нибудь знакомого, кроме нескольких бутылок, которые выбрала вчера вечером с помощью Хизер. Мне нужно думать быстро.

Что я знаю о вине?

Из своего ограниченного опыта работы официанткой я знаю, что начинать следует с шампанского или просекко. По крайней мере, обычно делают так. Или, возможно, с коктейля; но тут я задаюсь вопросом, не должна ли я как сомелье продвигать вино?

Я знаю, что часто белое вино сопровождает закуску, затем

переходят к красному, если в качестве основного блюда выбирают мясо. А можно придерживаться и белого, если в качестве основного блюда у вас рыба или курица. Но я также знаю, что все не так просто. Хизер, например, могла понюхать бокал и определить в нем ноты, такие как масло (*что?*), цветок персика и тертая лимонная цедра. Не просто лимон – тертая лимонная цедра, если конкретно. Должно быть, где-то в моем мозгу хранятся экспертные знания от Хизер.

Так что да, я могу вспомнить что-то вроде этого, но ничего полезного – например, что это было за вино, вкус которого напоминал тертую лимонную цедру. Жаль, что я не уделяла ее словам большего внимания. Все эти знания, которые я считала ерундой, вдруг оказались крайне важными.

С другой стороны, три столика. Насколько это может быть сложно?

На открытой кухне Джеймс и Анис пробуют соус из серебряного кувшина двумя маленькими чайными ложками. Я наблюдаю за тем, как они удовлетворенно улыбаются. Когда Анис выходит за пределы моего поля зрения, Джеймс поднимает глаза и ловит мой взгляд. Его улыбка обезоруживает. Робкая, но теплая, с маленькой ямочкой на правой щеке.

Я машу ему рукой. *Перебор, Птичка, перебор.*

Он одними губами произносит «Удачи» мне в ответ, и я мгновенно переносусь от сладкой тревоги к весьма зловещей ее вариации. Я сглатываю и пытаюсь сосредоточиться, но не понимаю, на чем именно. Почему никто не сказал мне,

что делать? Вот что бывает, когда ты опытный специалист: никто больше не говорит тебе, что делать?

Ирен проходит через двойные двери и ставит на прилавок тарелку бульона. Она кивает Биллу, который протягивает ей крахмаленную салфетку, обернутую вокруг ножа и вилки.

– Это для Рассела. Он пообедает за барной стойкой, наблюдая за нами.

Должно быть, заметно, что я сильно нервничаю, потому что ее лицо внезапно смягчается.

– Все будет в порядке, – шепчет она, положив руку поверх моей. – Билл утверждает, что ты настоящий профессионал.

Я сглатываю, глядя на Билла, который одобрительно кивает. Нет, я ни в чем не признаюсь этим до смешного добрым людям. Не сейчас.

Ко мне подплывает официантка, у которой тоже открытое и доброе лицо.

– Привет, я Пти... – начинаю я. *Черт!* – То есть, я Хизер. Меня зовут Хизер.

– Я Рокси. – Она улыбается и говорит с едва заметным акцентом. Кажется, она не заметила моей оплошности. – Мы встречались вчера вечером.

– О, черт, конечно, – бормочу я, – я просто слишком устала после поезда.

– Вы в порядке? Выглядите слегка взволнованной, – тихо шепчет она.

В этот момент в двери столовой входят две пары, всем глу-

боко за семьдесят. Мужчины снимают головные уборы, пропуская дам вперед. Ирен быстро идет к ним, протягивая руки, с широкой улыбкой на лице.

– Бетти, Томас, Шамми и... Говид, не так ли? Доброго дня всем вам, – тепло произносит она, указывая на накрытый на четверых стол, расположенный у большого эркера. Рокси присоединяется к ней, незаметно забирая у гостей пальто и шарфы. Она двигается плавно, как кошка.

– Иди, – велит Билл, махнув мне рукой в сторону стола.

– Идти куда? – спрашиваю я, и мое сердце бешено колотится. – Ах да, точно. – Я поворачиваюсь и направляюсь к столу.

– Подожди! – останавливает он, и оборачиваясь, я вижу, как он протягивает мне четыре меню и карту вин.

– Вот дерьмо! – произношу я, к сожалению, вслух, пока ноги сами несут меня к столику. Ирен лучезарно мне улыбается, когда мы проходим друг мимо друга, и тут я встречаюсь глазами с Расселом, который заходит через двери кухни и занимает свое наблюдательное место за барной стойкой. Теперь он находится примерно в десяти футах от меня, и я чувствую его присутствие, как свет прожектора, направленный на меня. Я поворачиваю голову к обедающим, которые смотрят на меня с улыбками, полными ожидания. На меня пялятся абсолютно все.

– Кто хочет вина? – выпаливаю я.

Я чувствую, как взгляд Рассела впивается мне в спину, а

четыре пенсионера почти в унисон склоняют седые головы.

– Мы можем посмотреть винную карту? – говорит тот, что поплнее, которого, кажется, зовут Томас.

– Конечно. – Я протягиваю ему меню.

– Это обеденное меню, – произносит Бетти сквозь кроваво-красную помаду, указывая длинным морщинистым пальцем с очень стильными ногтями с прозрачной полировкой на большое слово МЕНЮ золотого тиснения на лицевой стороне папки.

– Конечно, – киваю я, перебирая в руках увесистые папки, прежде чем вручить ей карту вин. – Слава богу, хоть кто-то следит за тем, что происходит. Не хотите у нас поработать?

Она натянуто улыбается и передает карту Томасу, который ловко раскрывает ее, одновременно доставая очки и двигая их на нос.

– Обычно мы заказываем обед из трех блюд. Какие вина сегодня к нему идут? – интересуется он.

– Определенно красное и белое, – уверенно произношу я, а затем быстро добавляю: – Не хотите шампанского? Которое, я полагаю, тоже белое. Технически. То есть, какая разница, эффект один и тот же, правильно?

О боже, заткнись, Птичка.

Вторая дама за столом приободряется при упоминании шампанского, и в тот момент, когда во мне зарождается надежда, что я нашла к ним подход, скучная Бетти отклоняет мое предложение, отчеканивая:

– Никакого шампанского, спасибо.

– Мы просто хотим узнать, какие вина предлагаются сегодня, – повторяет Томас.

– Вы не могли бы потерпеть минутку? Мне очень жаль, я здесь новенькая, – объясняю я, чувствуя, как жар заливает мне щеки.

– Да, конечно, – соглашается Бетти, смягчаясь.

Я спешу обратно к бару и делаю то, что делает любой некомпетентный профессионал, когда его застают врасплох. Сваливаю вину на других.

– Почему никто не проинформировал меня о сегодняшних винах, которые подаются к комплексному обеду? – произношу я громко, обращаясь к Биллу и игнорируя взгляд Рассела, который сидит напротив него.

– Ах, извини. Виноват, – спохватывается Билл. – Вот они.

Он протягивает руку за барную стойку, достает лист бумаги из-за кассового аппарата и протягивает его мне.

– Он должен был быть в начале винной карты, – бормочет он, указывая на пустой пластиковый файл, прикрепленный к внутренней стороне обложки.

– О, спасибо.

– Убедитесь, что Хизер полностью проинструктирована, пожалуйста, – велит Рассел Биллу, качая головой.

– Обязательно. – Билл в ужасе смотрит на него.

– Извини, я немного разнервничалась, – говорю я ему вполголоса, надеясь, что Рассел не услышит.

Я возвращаюсь к столику, и Рокси тоже подходит к нему с газированной водой тихо и незаметно, как мышка. Вытянув длинную элегантную руку, она наполняет каждый маленький стаканчик, а затем возвращает бутылку на боковой столик поодаль от гостей.

– Вот сегодняшнее винное предложение, – сообщаю я.

Томас сразу же вступает:

– Бетти возьмет лосося, а я – оленину. Мы оба будем суп. А с десертом решим потом.

– О, отлично. – Я роюсь в фартуке в поисках блокнота и бумаги. Я не знала, что буду принимать заказ на еду. Я оглядываюсь через плечо в поисках Рокси, но ее нет в столовой. Надо помнить про ручку и бумагу. Я подключаю свою память. «*Лосось, оленина и два супа*», – повторяю я мысленно, а затем нервно смотрю в сторону другой пары. Как же я все это запомню?

– Мы оба возьмем оленину, а на закуску – свеклу, – заявляет другой джентльмен с вежливой улыбкой. *Две свеклы, два супа, лосось, три оленины. Я запомню.*

– Так что вы рекомендуете? – спрашивает Томас.

Я в ужасе опускаю глаза и понимаю, что в карте вин, предлагаемых на обед, около дюжины наименований. Наверное, можно попробовать угадать? Или можно...

– Э-э, вам одну бутылку или две?

Бетти громко фыркает.

– Ну, у вас рыба, а у них мясо, так что...

Томас громко спрашивает:

– Где Ирен?

– Ну, она... – Я начинаю заикаться. – Гм...

Я оглядываюсь и вижу Билла, который сразу же чувствует, что у меня проблемы, и за считанные секунды подлетает, чтобы спасти меня.

– Привет, Томас, как дети? – спрашивает он голосом, которого я раньше не слышал. Он настолько слащав, что у меня мурашки по коже.

– Хорошо, Билл. Хорошо, – отвечает Томас.

– Чем я могу помочь?

– Ну, пока что ваша новая сомелье рекомендовала красное или белое вино, две бутылки вина и бутылку шампанского. Я надеялся на что-то более конкретное.

Я нахмуриваюсь, как будто соглашаясь, что я никудышная.

– Понимаю, – отвечает Билл с ободряющей улыбкой. – Мне очень жаль, но это ее первая смена здесь, так что она еще не совсем освоилась. Хизер раньше работала в «Уоллсли»¹⁷, представляете?

Томас смотрит на меня с подозрением, но остальные трое в унисон говорят «Ах-х-х».

– Да, – быстро произношу я.

– Почему бы тебе не заняться столиком номер три, а я пока присмотрю за этими ребятами, – предлагает Билл.

¹⁷ Дорогой ресторан в Лондоне.

Я убегаю, и меня физически трясет, когда я наконец добираюсь до безопасного бара, но тут же замечаю, что гости за третьим столиком подняли руки в мою сторону. Я ищу взглядом Рокси, которая как раз повесила верхнюю одежду гостей и одобрительно кивает мне. Мне нужно идти. Я облизываю пересохшие губы и несколько раз сглатываю.

– Здравствуйте, чем я могу вам помочь? – спрашиваю я двух милых дам, от одной из которых так сильно пахнет духами на основе мандарина или апельсина, что мне приходится сделать небольшой шаг назад.

– Билл сказал нам, что вы очень хорошая сомелье, – начинает одна из них. – Мы впечатлены. Вы приехали к нам из самого Лондона, чтобы побывать в нашем маленьком ресторанчике?

– О-о-о. – Я краснею. *Вот дерьмо!*

– Итак, мы хотели спросить, что вы думаете по поводу Пикпуля¹⁸? У Маргарет день рождения, и мы хотели бы немного... Ну, вы понимаете.

Маргарет тянется вперед и касается руки своей подруги. Обе так мило хихикают, что у меня замирает сердце, и я чувствую, как меня охватывает спокойствие. Старинные подруги. Старинные подруги выпивают вместе. Лучшие подруги. И все, что эти милые дамы хотят от меня, – это знать, хорошее вино или нет. Здесь мне несложно притвориться.

¹⁸ Сорт винограда, распространенный во Франции и Каталонии. Пикпуль де пине – белое вино.

– Да. Просто отличное, – отвечаю я. – Нет ничего лучше, чем разделить бутылку с лучшим другом, не так ли?

– Именно так, дорогая, – кивает Маргарет.

Когда я направляюсь к винному холодильнику за барной стойкой, я оглядываюсь на Маргарет. Она хихикает со своей подругой с восторгом в глазах, как обычно делают добрые друзья. Такие, как мы с Хизер. Еще одна мрачная волна вины накатывает на меня, когда я думаю о ней.

– Извини за то, что произошло, – шепчет Билл, когда я, прихрамывая, подхожу к бару. – Я должен был дать тебе список.

– О, все в порядке, забудь об этом, – говорю я, поднимая глаза. – Мне нужна бутылка... эээ... Пикпула.

– Пикпуля? – поправляет он меня с французским произношением.

– Простите, – извиняюсь я. – Это от волнения.

– Давай я буду сопровождать тебя до конца дня и покажу, как тут все устроено, – предлагает Билл. – Нечестно было бросать тебя вот так. У тебя и пяти минут не было, чтобы сориентироваться.

– Спасибо, – говорю я, готовая обнять его в благодарность. Сегодня вечером вернусь в коттедж и разработаю план.

– К тому же, мы не можем допустить, чтобы ты запятнала нашу репутацию, – говорит он с улыбкой, доставая из холодильника длинную темно-зеленую бутылку. – В конце концов, это я нанял тебя.

– Да, – соглашаюсь я, натягивая свою самую широкую, самую дерзкую улыбку. – И о чем ты только думал?

Глава 8

– Давай быстрее, – торопит Джеймс, ожидая меня у открытой входной двери.

– Пять минут! – Я ахаю, проверяя время на телефоне – 7.04 утра – и игнорирую три пропущенных звонка от Тима. Я не спала, когда он звонил, но это было в час ночи, 1.15 и 2 часа, что может означать только одно: он был настолько пьян, что забыл, что я в Шотландии, и хотел перепихнуться.

Хотя было приятно почувствовать себя желанной.

– Прости меня, я просто дико вымоталась.

Билл был верен своему слову и взял бразды правления за ужином, в то время как я еще немного последила за ним, «чтобы посмотреть, как мы ведем дела». Но все было как в тумане. Я не думаю, что что-нибудь по-настоящему дошло до меня.

После этого я снова слишком устала, чтобы изучать карту вин или распаковывать книги о вине, которые привезла с собой. Вместо этого я загуглила «Десять вещей, которые вы не знали о вине», а затем просмотрела теперь уже закрытый социальный аккаунт Хизер с фотографией кошки. Она ничего не писала с тех пор, как уехала в Италию, и я почувствовала глубокий укол вины, когда пролистала все фотографии моей дорогой подруги.

Потом я лежала без сна, пытаюсь понять, что мне делать.

Уехать, не рассказав все до конца, означало бы, что Хизер сбежала с работы. (То есть, Хизер действительно сбежала с этой работы, но все же... «Она» теперь была здесь, так что этот вариант отпадал). Но уехать после признания тоже означало бы выставить ее в дурном свете. Если я соберусь уезжать, я могу это сделать только как Хизер, но с железным оправданием. Может, кто-то из родственников умер? Но кого мне убить? У нее никого не осталось. Нет, это должно быть что-то другое. Что-то, что сохранит ее репутацию.

Я поднимаю глаза и вижу Джеймса, который смотрит на меня из конца коридора.

Уф! Должен быть другой путь.

– Мы опаздываем, – торопит Джеймс, качая головой и протягивая мне большой кусок щедро намазанного маслом тоста и кружку чая.

– О боже, спасибо, – отвечаю я, одним глотком выпивая тепловатый чай и отправляя тост в рот, пока дрожащими пальцами застегиваю толстовку.

Я жую тост, который кажется сухим у меня во рту. Меня немного подташнивает. Я и близко не готова.

На рассвете мы отправляемся на «охоту за продовольствием», с чем я вряд ли смогу справиться после трех часов сновидений о сердитых старухах, горящих виноградных лозах и рассыпающихся винных пробках. Но Ирен решила, что это поможет мне проникнуться духом ресторана, а нам с Джеймсом – узнать друг друга лучше.

– Вы двое должны быть сплоченной командой, – велела она.

– Поняла, – кивнула я. Я старалась проявлять максимум энтузиазма.

– Но не слишком сплоченной, – добавила она, приподняв бровь и улыбнувшись.

– Понятно, – ответила я. Мне нравилась Ирен.

Интересно, не похожа ли работа в таком изолированном отеле, как этот, на работу на круизном лайнере, где нет ничего хуже, чем интрижка двух коллег из персонала, потому что они могут расстаться со скандалом. А бежать некуда.

Но Ирен не стоит беспокоиться обо мне. У меня не бывает романов на работе. У меня их вообще особо не бывает. У меня было три бойфренда, включая Тима, но ни один из них не перешел на новый уровень типа встречи с родителями или поездки на выходные в Уитстабл¹⁹. У меня также была парочка очень пьяных свиданий на одну ночь в тот единственный год, когда я училась в университете. Это был год, когда я прошла все уровни Mario Kart, посмотрела все семь сезонов сериала Lost и обнаружила, что у моей соседки по квартире гидропонная ферма наркотиков в подвале под моей спальней. О, и в этот же год отец сделал первую и последнюю попытку протрезветь, которая включала в себя множество телефонных звонков с извинениями, настолько эмоционально изматывающими, что в итоге я бросила универси-

¹⁹ Курортный городок.

тет и отправилась в поход по Уэльсу, чтобы отстраниться от всего этого.

Не то чтобы я не хотела иметь нормального парня, с которым можно было бы разглядывать прилавки Aldi²⁰. Просто я счастливее в одиночестве. Это проще. К тому же, Хизер – ходячий пример того, почему не стоит заводить романтические отношения.

На Джеймсе толстые туристические ботинки песочного цвета и почти стильное пальто Barbour болотного цвета с вошеной отделкой. Дождь моросит, и все еще холодно, но туман рассеялся, и в воздухе витает запах свежескошенной травы, который нравится всем – особенно, как я заметила, винным обозревателям.

Анис ждет снаружи в приталенном анораке, с корзиной и зонтиком.

– Где живет Анис? – шепчу я, натягивая кроссовки.

– В четвертом коттедже, с остальными ребятами помоложе.

– В смысле, мы ребята постарше что ли?

Джеймс громко смеется, а Анис бросает на меня подозрительный взгляд.

– Я просто спросила, где кто живет, – объясняю я, не желая, чтобы она почувствовала, что ее не включают в разговор

– В четвертом коттедже, – отвечает она с сильным шотландским акцентом, убирая за уши свои великолепные тем-

²⁰ Дисконт-магазин.

ные блестящие волосы. Она прекрасна: миниатюрная, гладкокожая, с роскошными широкими бровями и в очень симпатичных красных резиновых сапогах Hunter. – Ты в этом пойдешь? – произносит она обвиняющим тоном, глядя на Джеймса, а затем снова на мои кеды Converse.

– Боюсь, я не взяла с собой ничего подходящего, – оправдываюсь я, пожимая плечами. – Но, возможно, я смогу съездить в город и купить что-нибудь на следующей неделе?

– Без этого не обойтись, – отвечает она, нахмутив брови, – если ты собираешься здесь что-то делать – работать или что угодно. Эти кеды ужасны.

– Ты права, – соглашаюсь я, не обижаясь на ее слова, – но ведь мода – это боль, верно?

Она не улыбается в ответ, а смотрит на свою корзину, потом в сторону конюшни и трагически вздыхает. Как будто ей постоянно приходится разбираться с чужими проблемами. По моему опыту, такое раздраженное неодобрение – всегда знак того, что человеку не безразличны другие люди. Я улыбаюсь про себя, давая себе слово завоевать ее расположение.

И вот мы в молчании веселой компанией из трех человек отправляемся на «охоту».

Джеймс ведет нас к реке на задворках поместья. Территория здесь не так ухожена, как это бывает в Англии. Здесь есть розовый сад, но все остальное – дикие заросли. Неухоженные живые изгороди, фруктовые деревья, длинная трава и полевые цветы фиолетового, желтого и темно-розового

цвета, тянущиеся вверх навстречу утреннему солнцу.

Когда мы доходим до реки, то прячемся от солнечного света под полог дубов, берез и буков с ярко-зеленой свежераспустившейся листвой. Я ощущаю внезапный прилив бодрости от прикосновения прохладного воздуха.

Джеймс ведет нас по грязной тропинке к пешеходному мостику.

– Итак, Анис..., – начинаю я. Не зная, как завязать разговор, я решаю поговорить о прогулках на свежем воздухе, – любишь пешие прогулки?

– Предпочитаю охоту, – отвечает она.

– Точно. Охоту, – говорю я. – С ружьем?

– Да, с ружьем, – подтверждает она. – И с большим ножом, если понадобится.

Я стратегически замедляю шаг, чтобы слегка отстать от нее.

Мы проходим еще несколько минут под шум реки и редкие песни птиц. Время от времени Джеймс достает из кармана телефон и делает снимок какой-нибудь ярко-зеленой листы или птицы, сидящей на ветке. А раз или два он фотографирует Анис, отодвигающую кусты и указывающую на что-то, чего я не могу разобрать. Он пытается сфотографировать меня, и я как можно быстрее подношу руки к лицу. «Пожалуйста, никаких крупных планов», – шучу я, и он больше не пытается.

– Что же мы ищем? – спрашиваю я. – Я никогда не рабо-

тала в ресторане, который сам собирает продукты. Что будет, если мы ничего не найдем?

– Рассел не занимается сбором продовольствия, только мы с Анис. Но он не против, – начинает объяснять Джеймс, снимая шапочку и встряхивая густыми темными волосами. Я пытаюсь подавить очередной приступ восхищения. – Основные продукты мы получаем от местных поставщиков: дичь, скумбрию, лосось, оленину. Но я стараюсь собирать сезонные продукты, например, малину, грибы, травы, такие как кислица, водная мята, если удастся их найти, и все в таком духе. Думаю, гостям нравится видеть в меню грибы, собранные у нас в лесу, как ты считаешь?

– Так, значит, оленину мы не ищем, если только ты не прячешь ружье в брюках, Джеймс? – шучу я.

Меня радует глубокий горловой смех Анис, но когда я оглядываюсь через плечо, то вижу, что Джеймс сторает от стыда. *Переборщила.*

– Нет, не сегодня. У нас очень хороший поставщик из Ская. – Он протискивается мимо меня по маленькой дорожке и поднимается к каким-то крошечным белым цветочкам. – Еще несколько дней, – говорит он Анис, и она кивает.

– А горлицы отлично сочетаются с нашим диким лососем. Но самое интересное – это, конечно, белые грибы, – улыбается Джеймс. – В грибной сезон я становлюсь одержимым.

– У вас здесь растут белые грибы? – спрашиваю я. Вот белые грибы я знаю. Хизер делала с ними потрясающую пасту.

Но почему-то я думала, что они растут только в Италии.

– Конечно, – отвечает Анис. – Джеймс собирал или выращивал бы все здесь, если бы мог. А Рассел привозил бы все из Лондона, если бы мог.

– Чувствую конфликт – говорю я, ухмыляясь.

– Нет, нет. Он главный шеф-повар, – быстро произносит Джеймс, не отвечая на вопрос.

– Он главный музак, вот он кто, – поправляет Анис, хмурясь в сторону Джеймса, – но его позиция такова, что нам нужно обрести деньги, а не друзей.

«Звучит как полная противоположность гостеприимству», – думаю я.

– Мы всегда покупали лучшие продукты у местных производителей, – заявляет Джеймс, останавливаясь на мгновение и показывая на лес вокруг нас. Но переверните с ног на голову все, что вы знаете об обычных ресторанах. Что если нам нужны лимоны на восемьдесят персон? Ждать придется три дня, так что заказывать нужно заранее. Зато нам каждый день доставляют свежих омаров за 50 километров. Это полная противоположность Лондону, где Рассел привык, что все постоянно привозится издалека. Здесь же, если случится шторм и лодки не смогут выйти в море...

– Омаров не будет, – заканчивает Анис.

– Упаси бог, – произношу я.

– Да, – соглашается Джеймс, качая головой от ужаса, – новая система Рассела означает, что теперь у нас более или ме-

нее постоянные поставки. Хотя мне удалось сохранить некоторых местных поставщиков. Нас не захватили полностью. Так или иначе, прибыли у нас теперь больше, – говорит он, пожимая плечами.

– Ну, это уже что-то.

Я останавливаюсь возле наклонившегося дуба с обнаженными корнями, которые спускаются вниз по осыпающемуся берегу к куче больших камней у реки. И почти сразу же поскользываюсь и едва успеваю отступить назад, чтобы не упасть лицом в воду. Она выглядит такой свежей и чистой. Запах земли и мокрого камня на удивление приятен. Я окунаю пальцы в одну из заводей и тут же вытаскиваю их.

– Твою ж мать! – вскрикиваю я, сжимая пальцы другой рукой и дыша на них. – Вода как лед.

Джеймс хватается за ствол дуба, ловко спрыгивает вниз и перескакивает с камня на камень, пока не останавливается рядом со мной. Он окунает руки в реку и брызгает водой себе на лицо:

– Ну, здесь все еще много талого снега. Я такое обожаю.

– Эту воду можно пить?

– Можно, но всегда есть риск, что выше по течению может оказаться мертвый скот или что-нибудь еще, – говорит он. – Ты ходишь на рыбалку?

– Нет, – отвечаю я и на мгновение жалею, что не рыбачу, представив себя на маленькой лодке посреди озера вдвоем с Джеймсом. Может быть, с зонтиком. Нет, пожалуй, без зон-

тика, – хотя я бы с удовольствием попробовала.

Я смотрю на него, и он мне улыбается. Я не знаю, потому ли, что я хочу порыбачить, или потому, что он хотел бы порыбачить со мной, или потому, что ему кажется абсурдным, что я хотела бы порыбачить, но склоняюсь к последнему варианту.

– Дикий чеснок! – кричит Анис с дальней тропинки, отвлекая внимание Джеймса.

– Наше основное блюдо из баранины готово! И никаких возражений от Рассела, раз это бесплатно, – говорит он мне, поднимаясь с берега и устремляясь по тропинке вслед за Анис. – Давай быстрее!

Он бежит, как десятилетний мальчик, и мне приходится двигаться быстро, чтобы не отстать. К сожалению, мои кеды скользят, и когда я ударяюсь ногой о мокрый, поросший мхом камень, я снова поскальзываюсь, на этот раз падая в сторону, и чувствую резкую боль в правой лодыжке.

– Вот черт, – бормочу я, опираясь на камень и ожидая, пока боль утихнет.

– Хизер, – зовет он издали, – поторопись!

– Иду! – кричу я.

Я вижу их на небольшой поляне, оба склонились над чем-то. Делаю еще несколько шатких шагов вперед, проклиная судьбу. Это ж надо, чуть не сломать лодыжку всего через два дня после начала того, что и так оказалось сущим кошмаром! Я наклоняюсь, сдвигаю носок и осматриваю край лодыжки,

но, к счастью, она выглядит совершенно нормально.

Когда я, прихрамывая, тащусь к ним, боль начинает стихать, но Анис замечает мою хромоту и выглядит огорченной:

– Ты в порядке?

– Ага, – отвечаю я, снова разминая лодыжку.

– Что случилось? – Она делает несколько шагов вперед. –

Ты повредила лодыжку?

– Ничего страшного, – качаю я головой.

– Все из-за этих нелепых кедров, – хмурится она.

– Все будет в порядке. Нашли дикий чеснок?

– О да! – Она протягивает руку в высокую траву, чтобы взять свою корзину, которая полна какой-то зелени. Я на мгновение теряюсь, потому что на вид это просто трава, но не хочу показаться совсем неопытной.

– Вау! – произношу я. – Такая яркая, – затем принохиваюсь, – да она действительно пахнет чесноком!

Она прищуривается, глядя на мою ногу.

– Я куплю туристические ботинки, – произношу я.

Джеймс идет ко мне с охапкой того же растения, которое выглядит как трава и совсем не похоже на чеснок:

– Что случилось? Хизер, ты в порядке?

– Мы ушли не больше чем на полчаса, а у нее уже травма. – Анис явно недовольна.

– Ты можешь надавить на лодыжку? – спрашивает Джеймс. Он выглядит искренне обеспокоенным.

И тут меня осеняет. Они так нервничают, потому что ес-

ли я получу травму, то не смогу работать. На мгновение я чувствую себя ужасно, но потом понимаю: это может сыграть мне на руку.

– Я не хотела вас беспокоить... – Я выпячиваю нижнюю губу и хмурю брови.

– Не говори глупостей. Садись. – Анис наклоняется и опускает корзину. Я опираюсь на нее для поддержки и медленно опускаюсь на землю. Конечно, земля сырая, и я чувствую, как холодная влага просачивается сквозь джинсы.

Джеймс стягивает кроссовок с моей ноги, и я притворно вздрагиваю, мучаясь чувством вины. Вообще мне действительно немного больно.

– Боже, прости, – паникует он.

– Все в порядке, – заверяю я, и плечи у него опускаются от облегчения.

– Давай я посмотрю! – просит Анис, отодвигая его. Когда я снимаю носок, нога выглядит нормально, хотя и нуждается в педикюре.

– Она ужасно распухнет, – сообщает она Джеймсу, – как у хоббита. Смотри, она уже распухла. – Она показывает на мой толстый и немного волосатый большой палец, и я стараюсь не обижаться. – Он определенно выглядит опухшим...

– Хорошо, спасибо, доктор, – рывкаю я, отдергивая ногу.

– Нам лучше отвести тебя обратно в коттедж. – Джеймс качает головой.

– Я останусь и соберу все необходимое для обеда, – реша-

ет Анис. – Нужно как можно скорее сказать Расселу и Ирен.
– Ну, меню составлять она сможет, – возражает Джеймс.
– Да, наверное, – хмуро соглашается Анис. – А Рокси ее подменит.

– Давай попробуем тебя поднять. – Джеймс наклоняется вперед и обхватывает меня за спину, а затем быстро поднимает на ноги. Мне не по себе от всей этой игры в беспомощную барышню, но я решаю подыграть ему, чтобы потянуть время. Оно поможет мне разобраться со всем происходящим: винной картой, работой, жизнью.

– Ты сможешь дойти обратно в таком состоянии? – спрашивает он.

– Думаю, да, – отвечаю я.

– Анис, ты справишься?

– Да, – кивает она, отворачиваясь от нас двоих, пока мы вместе ковыляем по тропинке. Джеймс старается максимально поддержать меня, пока я иду, и одновременно из вежливости держится как можно дальше от меня.

– Спасибо, Джеймс, – благодарю я.

– Без проблем. Я уложу тебя в постель, и мы посмотрим, сможем ли отвезти тебя к врачу, или врач приедет к тебе. Или Бретт может посмотреть.

– Бретт? – переспрашиваю я, едва заметно наклоняясь ближе, чтобы насладиться ощущением тела Джеймса, мягко прижатого к моему.

– Да, он ухаживает за животными. И за территорией.

– И за дамами? – Я хихикаю, и Джеймс слегка напрягается, поэтому на кратчайшее мгновение я представляю, что он просто немного ревнует.

Глава 9

Новости о моей ужасной травме распространились быстро, и когда мы вернулись в коттедж, Ирен уже ждет нас там, сжимая две набитые перьями подушки для гостей и настаивая на том, чтобы мою лодыжку немедленно осмотрели.

Бретт, шестифутовый громадный садовник-коновал, осматривает мою ногу на предмет переломов – их нет! – невероятно легкими прикосновениями и двигает ею влево и вправо мягкими круговыми движениями. Я морщусь, насколько это возможно, чтобы не переусердствовать.

Джеймс, который галантно, но неловко поддерживал меня всю дорогу домой, вернулся на кухню, чтобы начать приготовления. Билл заскочил с рюмкой виски, которую я послушно осушила.

– Итак, откуда тебя вытащила Ирен? – спрашивает Бретт, аккуратно обматывая повязку мне вокруг ноги своими огромными руками, которыми можно удержать лошадь.

– А?

– Откуда ты, девочка?

– А. Из Плимута, – говорю я, не задумываясь. – И из Лондона.

– Никто не может быть из двух мест сразу.

– Мне не нравится быть из Плимута, – говорю я. – Вы там бывали?

– Я думала, Девон прекрасен, – раздается голос Ирен.

– Конечно, Девон великолепен. Плимут – это не совсем открыточный Девон. Плимут – это нищета с портом.

– Хм... – говорит она, и я решаю сменить тему.

– Ну что там, док?

– Честно говоря, нет причин, чтобы тебе не выйти на работу сегодня вечером, милая, – заявляет он с сильнейшим шотландским акцентом. – Она даже не опухла. Я сначала подумал, что опухла, но посмотри, обе ноги одинакового размера.

– Ладно, Бретт, хватит! – бормочу я.

– О, слава богу. Бедняжка, – воркует Ирен. – Значит, нам не нужно везти ее в Форт Уильям?

– Господи, нет. Думаю, она скоро снова будет на коне.

– Большое спасибо. – Я качаю головой, чтобы показать, какая все это ерунда. – Ну и дела, да?

– Не волнуйся, – успокаивает он, снова улыбаясь мне, потом собирает свою аптечку для животных и встает. – В следующий раз тебе придется потерять всю ногу сразу, если захочешь откосить от работы. – Он подмигивает мне, и на долю секунды я забываю засмеяться, но потом смеюсь.

– О нет! Зачем же мне так делать? – Я машу на него руками.

– Хизер, дорогая, я пришлю Джеймса с меню через несколько часов, ты сможешь подобрать вино к блюдам, а потом, надеюсь, ты снова будешь с нами к ужину. Конечно,

я тебя не тороплю.

– Ага, – отвечаю я, с удовольствием расправляя простыни на кровати. – Сделаю все возможное, чтобы к ужину присоединиться к вам.

После этих слов Ирен выходит из комнаты, а я остаюсь наедине со своей придуманной травмой ноги и бутылкой виски, которую оставил Билл. Я поворачиваю ее, чтобы прочитать этикетку: Oban 18-летней выдержки. Нюхаю свой пустой стакан и задаюсь вопросом, как, черт возьми, делают виски. Где-то на задворках сознания хранится информация о том, что его делают из картошки. Или это джин?

Я пытаюсь сосредоточиться на кулинарной части. Дикий чеснок. Я быстро гуглю «ягненок с диким чесноком» и обнаруживаю, что да, он действительно внешне похож на траву. Есть пара рекомендаций по винам к блюду, в том числе Côtes du Rhône, которое, как я смутно припоминаю, может быть у нас в меню. Но в основном я просто сижу и чувствую себя уставшей от недосыпания и комбинации ибупрофена с виски.

Возможно, мне нужно пропустить еще стаканчик, чтобы взбодриться.

Я быстро выпиваю еще одну рюмку, наслаждаясь теплом, которое струится по моему горлу. Но вместо того, чтобы взбодрить, оно тянет меня к столь необходимому сну. И как раз когда я нахожусь в том восхитительном состоянии сонливости, которое бывает только перед дневным сном, Джеймс

влетает в комнату, сжимая в руках лист бумаги.

– Черт, следовало постучать, извини! – говорит он, задышавшись, как будто бежал. Он встает надо мной, потом смотрит на постель, как будто собираясь сесть. Садится, и от его тяжести мое тело перекачивается в его сторону. Он смущенно встает и протягивает мне меню. – Я сделал очень приблизительную версию пораньше, чтобы ты смогла приступить уже сейчас.

– Можешь сесть, – говорю я, и он тут же садится снова. Он уже без туристического снаряжения, в джинсах, футболке и поварском фартуке.

Я заглядываю в меню и с облегчением вижу, что некоторые блюда довольно похожи на те, что были в первый вечер. Но в меню включена медленно обжаренная баранья лопатка с велюте из дикого чеснока – *что это за велюте?* – весенними овощами и хрустящим пармезаном, а это что-то новенькое.

– *Sfites du Rhfne?* – предлагаю я слегка одурело, когда три рюмки виски и нурофен с кодеином начинают творить свою магию.

– Слишком дорого для дегустации, – быстро отвечает он. – Оно стоит девяносто девять фунтов за бутылку. Рассел поставил такую цену. Как насчет Гренаша?

– Спсбо, отличн, – говорю я невнятно.

Он улыбается мне, но не убирает меню.

– Ты напилась что ли?

– О боже, немного.

– Тебе нужно поспать.

– Мне точно нужно поспать. Анис вернулась без проблем?

– Да, и с охапкой кервеля, так что она справилась, – про-
износит Джеймс, поднимая лист бумаги повыше, так что он
оказывается почти у меня под носом. Я понимаю, что он веж-
ливо пытается всунуть его мне, но виски несколько ухудша-
ет мое восприятие.

– Извини, – говорю я, забирая у него бумажку. Я опускаю
взгляд на меню и вижу, что в него включено шоколадно-ама-
реттовое желе с шотландским сорбетом из лесных ягод.

– Боже, я хочу это попробовать, – говорю я, закрывая гла-
за и вздыхая.

– Это вкусно. У него густая муссовая текстура, а ягодный
сорбет придает невероятную легкость, – широко улыбается
Джеймс. – Это изобретение Анис.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.